

Алексей
КАПЛЕР
Виктор
КОНЕЦКИЙ

ПОЛОСАТЫЙ РЕЙС

Русская проза

Русская проза (Вече)

Виктор Конецкий

Полосатый рейс (сборник)

«ВЕЧЕ»

Конецкий В. В.

Полосатый рейс (сборник) / В. В. Конецкий — «ВЕЧЕ»,
— (Русская проза (Вече))

ISBN 978-5-4484-7226-8

В книгу известных писателей и киносценаристов Алексея Яковлевича Каплера (1903–1979) и Виктора Викторовича Конецкого (1929–2002) вошли их как совместные, так и собственные произведения, в которых смешное прекрасно уживается с серьезным. Среди них, конечно же, «Полосатый рейс» – комическое происшествие на борту советского сухогруза, доставлявшего в Одессу для зоопарка партию из десяти тигров и двух львов (одноименный фильм вышел в 1961 году, в главных ролях Алексей Грибов, Маргарита Назарова, Евгений Леонов; режиссер Владимир Фетин). Творчество А. Каплера представлено повестью о жизненных путях и поисках творческой интеллигенции на заре становления советской власти, а В. Конецкого – романом о судьбах людей, переживших ленинградскую блокаду, потерявших близких и любимую работу, но, несмотря ни на что, оставшихся победителями в любых испытаниях.

ISBN 978-5-4484-7226-8

© Конецкий В. В.

© ВЕЧЕ

Содержание

Полосатый рейс	6
Возвращение броненосца	43
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Алексей Каплер, Виктор Конецкий

Полосатый рейс (сборник)

© Каплер А.Я., наследники, 2018

© Конецкий В.В., наследники, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

Полосатый рейс

Цирк переполнен. Уже прозвенел звонок, выстроились в две шеренги униформисты, заиграл духовой оркестр. Запоздавшие зрители торопливо пробираются к своим местам.

По опустевшему фойе идут семь моряков. Возле буфетной стойки они задерживаются, и каждый из них здоровается за руку с маленьким толстым буфетчиком. Потом моряки молча проходят дальше. Когда они скрываются за бархатной портьерой, отделяющей фойе от зала, продавщица мороженого с интересом спрашивает:

– Откуда они вас знают, товарищ Шулейкин?

– А кто не знает Шулейкина? – с достоинством отвечает толстяк. – Хочешь верь, хочешь не верь, Шулейкина все знают.

Продавщица – бойкая, курносая девчонка с быстрыми, любопытными глазами – не отстает:

– А почему эти моряки каждый вечер к нам ходят? Неужели им не надоело смотреть одну и ту же программу?

Выстроив на стойке роскошную пирамиду из апельсинов и оглядывая творение рук своих, буфетчик отвечает:

– Эта программа им не надоест. Есть причина.

– А вы ее знаете... причину? А?... Дядя Шулейкин, знаете?

– Шулейкин все знает.

– Вы с ними тут и познакомились?

Шулейкин надменно усмехается.

– Я с ними познакомился пять лет назад в тропическом порту Коломбо.

Он облакачивается о стойку, приготавливаясь к обстоятельному рассказу.

– Хочешь верь, хочешь не верь, а дело было так...

Цейлон. Порт Коломбо. У раскаленного солнцем причала стоит грузовое судно «Евгений Онегин». Идет разгрузка. Слышатся крики докеров и команды, гул кранов, тархтенье судовых лебедок.

Из трюма медленно поднимается на гаке портального крана голубая «Волга».

Наверху, на палубе, распоряжается боцман. Боцман гол до пояса по случаю тропической жары. На его груди всевозможные татуировки.

– С-под груза уходи! – кричит он вниз. – Я вас прошу, товарищ Сидоренко, не вводите меня в соблазн, я же дал обязательство не допускать выражений! На оттяжке не зевай! – кричит он в другую сторону. – Лево бери!

Возле боцмана останавливается капитан «Евгения Онегина» Василий Васильевич – пожилой моряк с добрым, простодушным лицом.

– Эх, боцман, боцман... – задумчиво говорит он, разглядывая графику на теле боцмана. – Разве вам, боцман, тут место?..

– А где же мне место, товарищ капитан? – с недоумением спрашивает боцман.

– В Третьяковской галерее вам место, товарищ боцман, – вздыхает капитан.

К капитану подходят торговый агент в шортиках, с раздутым, как бурдюк, портфелем и маленький толстяк в черном суконном костюме, при галстуке. Это знакомый нам Шулейкин. С его лица градом катится пот.

– Как бы чего не было... боюсь, как бы чего не было... – стонет Шулейкин, едва поспевая за шустрым агентом.

– Ерунда! – отмахивается тот. – Только не вмешивайтесь. Я сам обо всем договорюсь.

Подойдя к Василию Васильевичу, он бодро рапортует:

– Груз прибыл, товарищ капитан. Можно принимать!
– Вот и отлично, – говорит капитан. – А какой груз?
– Груз палубный, всего двенадцать мест. Документы в порядочке! – Что-то в голосе агента заставляет капитана насторожиться.

– А все-таки, какого характера груз?
Шулейкин тихо говорит агенту:
– Вот узнает он, какой у нашего груза характер...
– Груз как груз! – перебивает агент, бросив на Шулейкина злобный взгляд. – Я же говорю: двенадцать мест!..

С нижней палубы доносится взрыв хохота. Капитан оборачивается.
...Это смеются два матроса и буфетчица Марианна.
– Мотя! Работай! – требует Марианна.
Сидоренко достает из кармана губную гармонику.
– Да у меня еще не выходит... – стесняется Мотя.
Старательно и неуклюже он начинает отбивать чечетку.
Капитан с мостика горестно смотрит на это безобразие.
– Так вы говорите, двенадцать мест? – механически переспрашивает он, но мысли его заняты другим.

...На звук гармоники уже идет старпом. Это мужчина большого роста с суровым и замкнутым лицом, одетый в морскую форму.

– Это что за балаган?! – спрашивает старпом металлическим голосом.
Музыка оборвалась.
– Простите, товарищ капитан, – бормочет Мотя.
Марианна тихо говорит Сидоренко:
– Сейчас скажет: «Я уже два года не капитан...»
– Я уже два года не капитан, а помощник, – строго говорит старпом. – Попрошу без заискивания...

– Теперь он скажет: «А вас попрошу в рабочее время не отвлекать команду...» – шепчет Марианна.

– А вас попрошу в рабочее время не отвлекать команду, – строго продолжает старпом, обращаясь к девушке, – делаю вам замечание...

Матросы поспешно удаляются. Марианна исподлобья смотрит на старпома.

– И потом – что это у вас на голове?
– Обыкновенная прическа, – отвечает Маришка. – Называется «я у мамы дурочка».
– Очень жаль, что форма соответствует содержанию...
Капитан, забеспокоившись, начинает спускаться с мостика.
– Значит, начинаем погрузку? – спрашивает его спину торговый агент.
– Да-да, конечно... – бормочет капитан, не оборачиваясь.

Марианна, прикусив губу, слушает старпома.

– Вы сами бездельничаете и другим не даете работать! Если вы племянница капитана, то это еще не значит...

Марианна собирается ему ответить, но старпом, не дав ей ничего сказать, заканчивает:

– И прошу не пререкаться.
– Я еще не пререкаюсь.
– Нет, пререкаетесь. Я по вашему лицу вижу, что пререкаетесь.
– А я говорю – не пререкаюсь.
– Так вот же пререкаетесь.
– Нет, не пререкаюсь.

– Нет, пререкаетесь.

– Товарищ буфетчица! – гремит подоспевший капитан. – Перестаньте пререкаться! Олег Петрович, прошу вас... Сейчас начнется погрузка – приглядите.

– И если вам нравится носить на голове швабру, то при исполнении служебных обязанностей будьте любезны повязывать косынку! – заканчивает свою речь старпом и удаляется размеренным шагом.

Марианна показывает вслед ему «нос», но капитан сердито шлепает ее по растопыренным пальцам.

– Взрослая девушка, а ведешь себя как девчонка... ты должна быть образцом, эталоном...

– По тебе должны равняться... – заканчивает за него Марианна.

– Да, по тебе должны равняться. И можешь меня не передразнивать.

– До чего вы мне оба надоели!.. Все знаю заранее...

– Подумай, Марианна, как ты бессистемно живешь, тебя уже из двух техникумов выставили!..

– Из трех.

– Вот видишь – из трех.

– И из одного я сама ушла.

– Ужас! Ужас! Твоя мать просила взять тебя в рейс... я думал, море сделает из тебя человека, надо же наконец чем-то заняться всерьез...

– Все мне надоело: и море ваше противное и корабль ваш противный...

– Вот видишь...

– И Олег ваш противный Петрович!

– Ты сама виновата. Олег Петрович строг, но справедлив.

– Он ко мне придирается! Он на меня внимания совсем не обращает!

– Вот ты уже противоречишь самой себе... Маришенька! Умоляю тебя как дядя и капитан: перестань с ним ссориться!.. Одного я хочу: чтобы кончилась эта глупая война между тобой и старшим помощником и чтобы в коллективе наступили мир и тишина... Мир и тишина.

Последние слова капитана покрывает ужасающий рев. Вздвигнув, Василий Васильевич и Марианна поднимают головы.

Сверху, на стреле корабельного крана, спускается клетка с тигром. Зверь ревет во всю мочь, а ему вторит множество таких же свирепых глоток.

На причале выстроилось еще одиннадцать клеток.

– Что это? Кто разрешил? – растерянно говорит капитан.

– Вы, товарищ капитан. Как условились – двенадцать палубных мест, – отвечает возникший откуда-то сбоку торговый агент. – Десять тигров и два, так сказать, льва.

– Только диких зверей мне и не хватало!

Василий Васильевич в отчаянии хватается за голову.

Отойдя на почтительное расстояние, Маришка с испугом и интересом рассматривает тигра.

– Какой страшный!.. Елисей Степанович, а он не вылезет? – шепотом спрашивает она боцмана.

– Да ну тебя! Если б вылез – от нас бы тут косточек не осталось. «Вылезет»... скажет тоже...

Очередная клетка плывет по воздуху. Ревет, мечется в ней огромный тигр.

– Майна стрелу! – надрывается Елисей Степанович. Исполнительного боцмана не смущает экзотичность груза. – Куда смотрите? Тигра не видели?.. Вира помалу!

...Торговый агент достает из портфеля документы, разбирает их.

– А если дознаются, что зверей сопровождает не укротитель, а работник пищеблока? – тихо спрашивает его Шулейкин.

– Не понимаю... вы же сами просились вместо заболевшего Зверобоева.

– Просился. Не могу больше. В здешнем климате таю как свеча.

– А я не могу больше держать здесь купленных зверей. Они всю валюту съели. Шутка – лошадь в день на инвалюту! Торгпред разрешил вас отправить, и поезжайте... Не понимаю, что вас смущает?

– Звери меня смущают. Работал я тихо, мирно в торгпредском буфете. Максимальное зверство, с каким я имел дело, – резал любительскую колбасу, и вдруг – тигры... Парадокс.

Подходит капитан.

– Подвели вы меня, товарищ, – говорит он агенту. – Знал бы характер груза, ни за что бы не взял.

– Вот. Прошу проверить. – Агент достает бумаги. – Тигры, мест – десять... прописью: десять. Львы, мест – два... прописью: два. Клетки, штук – двенадцать... прописью: двенадцать. Мясо, конина. Килограмм – пятьсот... прописью: пятьсот. А вот товарищ Шулейкин – очень опытный укротитель. Он будет сопровождать груз.

Капитан трясет Шулейкину руку.

– Очень, очень приятно. Все-таки с укротителем будет спокойнее.

– За спокойствие не беспокойтесь, – говорит агент.

Внизу, на палубе, появились два сингальца. Они несут на бамбуковой жерди большой и, видимо, тяжелый мешок. С ними рядом идет носатый иностранец.

– Put it down!.. – кричит он сингальцам. Те сваливают мешок на палубу и уходят.

– А это еще что? – встревоженно спрашивает капитан.

– The prize of our company, – говорит носатый важно.

Торговый агент переводит:

– Это как бы премия оптовому покупателю. От звериной фирмы...

– Не понимаю, какая премия? А что там в мешке?

Капитан свешивается через перила, чтобы еще раз взглянуть на премию, но мешок уже исчез.

– Позвольте... А где мешок? Не мог же он сам уйти!..

Оказывается, мешок мог уйти. Неуклюже переваливаясь, он идет по палубе. Мешок уже свернул за надстройку, поэтому собеседники не видят его. Зато его замечает Марианна. Она испуганно вскрикивает – и сразу же все двенадцать клеток откликаются оглушительным ревом. Марианна бросается бежать.

Капитан страдальчески затыкает уши. А мешка уже нет на палубе.

Бегущая в панике Марианна натывается на боцмана.

– Ой!

– Ты чего?.. За тигра меня приняла?

– Какой там тигр... я сейчас такое видела...

– Какое такое?

– Страшное, большое... само ходит...

– Ты чего плетешь, девка? Человек, что ли?

– Нет, не человек.

– Животное?

– И не животное.

– А что же это?..

– Не знаю... такое круглое... само ходит... – таинственно говорит боцману Маришка. – Само ходит... понимаете?.. Как привидение...

– Ври больше, – сердится боцман. – Нет, Маришка, жидковатая у тебя душа!

Страница вахтенного журнала грузового судна «Евгений Онегин». Четкая запись:

«Возвращаемся из Коломбо в Одессу. На судне отмечены совершенно необъяснимые, таинственные явления, а именно...»

Мы не успеваем прочитать, какие именно, кто-то опрокидывает чернильницу прямо на журнал. На месте записи – черная лужица.

– Кто пролил чернила на вахтенный журнал? – слышен голос старпома.

Как всегда, строгий и подтянутый, он входит в рубку и останавливается над залитым чернилами журналом.

Олег Петрович оглядывается: в рубке никого нет.

– Мистика...

Нахмурившись, старпом берет ручку и, осторожно макая перо в лужицу, пишет в графе «случаи»:

«Происшествия продолжаются. Злоумышленно попорчен вахтенный журнал. Утром похищен личный хронометр старшего помощника капитана...»

Океан. Плывет «Евгений Онегин».

Кают-компания. Моряки собрались обедать. Сидоренко разливает борщ по тарелкам.

– Все-таки, товарищи, на корабле происходит что-то необъяснимое, – говорит капитан, расхаживая по кают-компании. – Я не верю в мистику, но этот исчезнувший мешок, эти таинственные пропажи – то у матроса исчезает тельняшка, то пропадает хронометр у старшего помощника, то какая-то тень появляется на полубаке, то из закрытой чернильницы льются чернила на журнал. Могу поклясться, что меня ночью кто-то тянул за волосы... Что это такое?.. Неужели не прекратятся эти чудеса?

Вдруг раздается мычание: Мотя, взяв в рот ложку борща, мычит, вытаращив глаза, затем запускает в рот пальцы и, к изумлению окружающих, вытаскивает на свет какой-то металлический предмет.

– Гайка!..

– И у меня гайка!.. И у меня... – раздаются встревоженные голоса.

– А у меня болт, – мрачно заключает Митя Кныш.

– Ну, все. С первым блюдом покончено, – говорит Сидоренко. – Хоть бы второе оказалось съедобным.

Моряки мрачно сидят за столом. Кто подпер печально голову рукой, кто, не надеясь на лучшее, ест хлеб, кто нервно постукивает ножом по столу.

– Где же наше второе?..

– За смертью ее посылать, – угрюмо ворчит Кныш.

Капитан взрывается:

– Буфетчица!..

Из камбуза появляется Марианна. Прическа, которая так не нравилась старпому, убрана под косынку. В руках у девушки блюдо с сосисками, накрытое металлической крышкой.

Слышен крик капитана:

– Буфетчица!

Марианна направляется к кают-компании, но останавливается. Ей надо пройти по коридору, который образовали клетки с тиграми, а это очень страшно.

– За что мне такие мучения? Целый день ходить мимо этих чудовищ! – говорит Марианна.

Завидев ее, звери перестают рычать. Они кидаются к решетке, пытаются протиснуть сквозь прутья свои усатые морды, протягивают лапы и не спускают с девушки глаз.

Но Марианна стоит, боясь тронуться с места.

Снова слышится возмущенный голос капитана:

– Буфетчица! Марианна!..

... Решившись, Марианна наконец робко ступает в проход между клетками. Со страхом оглядываясь вправо и влево, девушка идет сквозь строй тигров.

Чтобы задобрить зверье, она снимает никелированную крышку с блюда и кидает сосиски в протянутые сквозь прутья лапы, в раскрытые тигриные пасти.

Вот она доходит до конца страшного коридора и, пулей выскочив из него, добирается до кают-компаний.

– Что у нас сегодня на второе? – злое спрашивает старпом.

– Сосиски, – отвечает Маришка.

Снимает крышку и осекается: на блюде осталась одна-единственная сосиска.

– Почему вы говорите о ней во множественном числе? – спрашивает капитан, поднимая сосиску с блюда.

– Товарищи, кушайте борщ, – жалобно просит Марианна, – очень вкусный борщ сегодня...

– Борщ несъедобен! – фальцетом кричит капитан. – В нем скобяные изделия! Гайки и контргайки!..

– Не может быть, – пугается Марианна.

Она вертит половником в кастрюле и вдруг извлекает из борща часы на длинной цепочке.

– Часы... – удивленно тянет девушка.

– Это не часы, это мой хронометр, – констатирует в наступившей тишине старпом.

Он брезгливо берет хронометр и открывает крышку. Из хронометра льется борщ.

– Олег Петрович! Вы не скажете, который час? – с невинным видом спрашивает Марианна.

– Час?.. – сдерживая бешенство, отвечает старпом. – Вас интересует час?.. Самое время вас, простите, выпороть... извините за выражение.

И старпом выходит из каюты, прямой и высокий, как мачта.

– Марианна, Марианна...

Покачивая головой, капитан уходит вслед за старпомом.

– Чего они к ней пристают? – говорит Мотя. – Не Марианна же гайки в борщ бросала...

– Дела... – вздыхает матрос Кныш. – А может, диверсант на судне?

– Все может быть, – философски соглашается механик.

Он смотрит на блюдо: там лежит забытая всеми одинокая сосиска. Вздыхнув, механик берет ее и отправляет в рот.

Каюта старпома. Никого нет. На столе лежит разобранный хронометр.

Стук в дверь, и голос Марианны:

– Товарищ старпом! Можно у вас прибраться?

Не дождавшись ответа, Маришка входит. При ней ведро, тряпка и веничек. Она старательно поправляет книги на полке, смахивает несуществующую пыль с маленького глобуса.

Рядом лежит фуражка старпома. Девушка надевает ее на глобус – фуражка пришлась впору.

– Здравствуйте, Олег Петрович! – серьезно говорит Маришка.

Она сдвигает фуражку на глобусе немного набекрень.

– Так вам лучше... Посмотрите, Олег Петрович, как я хорошо прибираю...

Она протирает дверцу зеркального шкафа.

– А вы все время меня обижаете...

Критически разглядывает свое отражение в зеркале.

– Неужели правда, из меня никогда не выйдет толк? – Маришка усмехается: – Вот возьму и стану знаменитой художницей.

Куском розового мыла, взятым с умывальника, она рисует на зеркале большое сердце, а куском голубого – стрелу. Потом влажной тряпкой стирает рисунок.

– Ничего вы не понимаете, – ласково говорит Марианна глобусу. – Поэтому я вам и держу... то есть дерзю... или дерзаю?.. Как надо сказать?.. Молчите?.. Поэтому же! Я ведь сейчас могу сделать с вами, что хочу. Захочу – щелкну по носу...

Она легонько щелкает по Южной Америке.

– А захочу – вскружу голову!

Она и в самом деле крутанула глобус. Фуражка после нескольких оборотов сползла, и голубой шарик потерял сходство со старпомом.

Марианна забирает свои принадлежности и, вздохнув, идет к выходу.

На белую стенку каюты из иллюминатора падает зловещая черная тень. Марианна оборачивается, но тень уже исчезла.

В последний раз оглядев каюту, девушка говорит:

– Морской порядок.

Закрывает за собой дверь. И в тот же момент в иллюминатор просовывается грязная лохматая швабра.

Выйдя из каюты, Марианна сталкивается с Мотей и Кнышем.

– Кто взял швабру?! – кричит матрос. – Маришка, ты?

– И не думала.

– Ведь только на секунду отвернулся! – Кныш уносится дальше, бормоча: – Нет, это точно!.. Диверсант... диверсант работает...

Старпом направляется к своей каюте.

– Что вы здесь стоите? – неприязненно спрашивает он.

И девушка сразу ошетинивается:

– Уборку у вас делала. Что, нельзя?

Старпом, не ответив, проходит дальше.

Распахнул дверь своей каюты... и замер на пороге. Можно подумать, что в каюте произвели атомный взрыв. Все раскидано, разбито, перепачкано.

На полу валяется раздавленный глобус.

– Спасибо за уборку... – говорит старпом, обернувшись вслед Марианне.

Перед клетками сгрудились моряки. Шулейкин укрепляет на фальшборте какой-то плакат.

Между Мотей и Сидоренко сидит задумчивая Марианна.

– Мне, товарищи, поручено провести информацию о тиграх, – грустно говорит Шулейкин. – А также инструктаж по технике безопасности.

– Товарищ укротитель! – спрашивает Маришка. – А вы можете укротить мышь?.. В кладовке живет мышь, туда ходить страшно.

– Мышь – мелкий хищник, – отвечает Шулейкин. – А я работаю по крупному.

– Вы объясните, – обращается к нему восторженный Мотя, – как вы в себе воспитали такую смелость?

– Товарищи, кончайте базар и глупые вопросы! – рявкает боцман.

А Шулейкин уже разворачивает свой плакат.

– Здесь я, товарищи, нарисовал, как умел, тигра в разрезе.

«Тигр в разрезе» почему-то поделен на неравные доли, обозначенные номерами.

– Вот это у него костреч... А здесь – огузок... Здесь подбедрок, – поясняет Шулейкин. – А вот ливер, голье, вымя... Короче сказать, сбой...

Боцман, сопя, записывает эти сведения в тетраточку. Марианна смотрит на укротителя с подозрением.

В каюту капитана входит старпом. Он кладет на стол лист бумаги.

– Или я, или она! – отчеканивает железный моряк.

– Олег Петрович, дорогой... Что опять случилось?

– Там все написано... Или я, или она. Или она, или я.

Информация о тиграх продолжается.

– Тигр ведет очень хищный образ жизни, – рассказывает Шулейкин. – Живет в дремучих джунглях...

– А чем он там питается? – интересуется кок Филиппыч.

– Могу ответить, – говорит Шулейкин, роясь в портфеле.

Он сверяется с листком, озаглавленным «Рацион кормления», и объявляет:

– Два дня конина, третий день говядина. И рыбий жир – для витаминов.

– А я читал, что он человеческими жертвами питается, – замечает боцман.

Укротитель соглашается:

– Не без этого. Когда кончается конина и говядина, чем же ему питаться? Вот он и ест человека.

– А почему они на Маришку не рычат? – спрашивает Сидоренко. – Я сколько раз замечал! Что, у ней группа крови с ними одинаковая?

– Не рычат, потому что они укрощенные. Лично мною. Вот этот, к примеру... Не тигр – овечка!

Именно в этот момент «овечка» с громоподобным ревом кидается на решетку, стараясь достать укротителя лапой.

Жалобно пискнув, Шулейкин загораживается портфелем.

Марианна тоже испугалась. Она зажмурилась и даже закрыла глаза ладонями.

На ее плечо ложится чья-то рука. Девушка открывает глаза и видит перед собой разгневанного капитана и угрюмого старпома.

Василий Васильевич оттаскивает племянницу в сторону. Клокоча от ярости, он говорит:

– Кончено!.. Мое терпение иссякло. Я отдаю тебя под суд!

– За что, дядя? – испуганно спрашивает Маришка.

– Я тебе больше не дядя! – трагически говорит он. – Теперь я знаю, кто творит все безобразия на судне! Вот рапорт старшего помощника.

– Дядя, честное слово, я ничего не делала!

– Я не дядя...

– А я ничего не делала.

Олег Петрович не выдерживает:

– А кто устроил погром в моей каюте? Тоже не вы?

– Не я!..

– А кто же? Кто? Скажи – кто?! – топает ногами капитан. – Кто? Кто? Кто?..

И вдруг откуда-то сверху на притеснителей Марианны обрушивается пенная и шипящая струя. Белые кителя капитана и старпома мгновенно становятся рыжими.

На капитанском мостике с огнетушителем в руках стоит и корчит мерзкие рожи шимпанзе. На обезьяне Мотина тельняшка, но штанов она, видимо, не достала, и нижняя половина туловища у нее голая.

– Вот кто! Вот кто! – кричит Марианна. – Вот кто делает все гадости... А вы меня!..

– Кто пустил макаку на судно?! – орет боцман.

– Какая же это макака? – резонно возражает механик, что-то жуя. – Это обезьяна, типа шимпанзе.

Обезьяна еще раз полоснула струей по всем присутствующим, бросила огнетушитель и одним скачком очутилась на шлюпбалке.

К капитану наконец вернулся дар речи.

– Немедленно поймать!.. Обезьяна на судне страшнее динамита!..

С криком, с гамом моряки гоняются по палубе за обезьяной. У нее через плечо, как у старьевщика, висит полосатый пестрый мешок – тот самый, в котором ее принесли на «Онегина».

– Сей момент поймать! – выслуживаясь, кричит боцман капитану.

Боцману действительно чуть было не удалось схватить шимпанзе. Но обезьяна вывернулась, взлетела на стрелу крана и скрылась в неизвестном направлении. А в руках у боцмана остался только полосатый мешок.

– Вот она – премия фирмы! – горько говорит капитан, разглядывая трофей. Он поворачивается к Шулейкину: – Товарищ укротитель, вы бы изловили ее! Это все-таки по вашей части!..

– Обезьянами не занимаюсь! – презрительно отвечает Шулейкин. – Мне подайте тигра, льва, в крайнем случае волка. Ну, могу еще в виде исключения взяться за крокодила. Но макака...

– Жаль, – вздыхает капитан. – Олег Петрович! Продолжаем ловлю. Нужно ловить организованно. Без системы в жизни ничего не добьешься. Значит, так: половина команды под началом старшего помощника гонит обезьяну по левому борту, вторая половина под командой механика – по правому борту, а я пойду по центру. Таким образом, обезьяна стратегически неизбежно попадет через этот люк вот туда – в трюм. Ясно? Боцман и кок, приготовьтесь в трюме с брезентом, и как только макака упадет сверху, вы ее... хлоп! Ясно? Прошу всех строго соблюдать систему. Никаких отступлений. Вы ее оттуда, вы отсюда, а я по центру, а они – хлоп! Берите брезент... начали!..

Обнаруживает обезьяну сам капитан. Она притаилась за грузовой лебедкой.

– Вот она! Вот! – вопит капитан, бросаясь к лебедке.

Обезьяна ракетой взвивается над палубой. При этом она наступила на пускатель и включила лебедку. Затарахтел мотор.

– Лови ее! Держи! – кричит капитан, не замечая, что по палубе мимо него ползет, извиваясь, трос лебедки. Он цепляет капитана за щиколотку и неумолимо тянет за собой.

Василий Васильевич прыгает на одной ноге, балансирует, размахивая руками, но лебедка делает свое дело: проскользив по палубе несколько метров, капитан с грохотом проваливается в люк.

– Хлоп! – раздается крик снизу. – Поймали! Ура!

Вдоль другого борта идет с дозором Олег Петрович.

– Поймали! Поймали! – доносится до него торжествующий крик. Старпом оборачивается.

Из трюма на палубу, пыхтя, вылезают боцман и кок. Они волокут свою жертву, закутанную в большой брезент.

Со всех концов сбегаются моряки.

– Она сверху как сиганет! – взволнованно рассказывает боцман. – А мы ее ка-ак – хлоп! Точно, как приказал кэп! Правда, без системы ничего в жизни не поймаешь. Ну, ты... – боцман поддает мешок ногой, – тихо сидеть! Вот придет капитан, он тебе покажет, как гайки в борщ сыпать... Сиди, кому говорю... – и боцман еще раз толкает бунтующий мешок ногой.

Вдруг раздается оглушительный, надсадный гудок. Боцман поднимает голову и от неожиданности даже приседает.

На рычаге паровой сирены висит шимпанзе.

Из-под крышки клапана сирены, шипя и свистя, вырывается пар.

Сирена надрывается, и, вторя ей, режут десять тигров и два льва...

Боцман и кок с ужасом глядят то вверх, на обезьяну, то друг на друга.

– Что же мы поймали? – наконец спрашивает кок.

– Шевелится... – с мистическим ужасом, глядя на барахтающийся брезент, произносит боцман.

Их обступают подошедшие с двух сторон остальные «охотники» за обезьяной.

– Открывайте, посмотрим, что там такое, если это не обезьяна, – говорит старпом.

– Осторожно... – вдруг оттуда что-нибудь такое выскочит...

– А если диверсант?

– Или мина замедленного действия?..

Боцман и кок опускают брезент и отскакивают в стороны. Из-под брезента, разумеется, вылезает полузадушенный капитан.

– Неужели это вы?..

– Какая досадная ошибка!

– А мы так все аккуратно, по системе...

– Идите вы к черту... – огрызается капитан.

Гудок умолкает. Обезьяна убежала.

Ожидая указаний, команда смотрит на капитана.

– Гм... боцману и повару за энергичные действия при поимке гм... обезьяны... объявить благодарность в приказе, – говорит он, отдуваясь. – Хотя, между прочим, можно было ногой и не того...

– Так я же не вам, а обезьяне поддал, товарищ капитан, – отвечает боцман.

– И обезьяне незачем было поддавать.

– Виноват, товарищ капитан!

Рабочий день окончен. Марианна несет кофе в капитанскую каюту.

В каюте тихо жужжит вентилятор. Василий Васильевич на койке. Голова его обвязана полотенцем – было от чего разболеться капитанской голове.

– Ну что? – говорит Марианна. – Я была виновата? Я?.. А еще рапорты пишут.

Василий Васильевич страдальчески морщится.

– Не ты, не ты... – Он снимает телефонную трубку, спрашивает: – Как там макака? Не обнаружена?

Выслушав ответ, судя по выражению его лица отрицательный, капитан снова откидывается на подушку.

– А что касается рапорта, да, Олег Петрович ошибся. Но ты сама его довела!.. Это же прекрасный человек, дисциплинированный работник. Не понимаю, за что ты его так не любишь?

– Какие вы все глупые, – сердится Марианна. «Не любишь», «не любишь»... Да кто тебе сказал, что я его не люблю?! – кричит она с неожиданной горячностью.

И тут, осененный догадкой, капитан приподнимается на постели.

– Постой... Так неужели ты его...

– Да! Да! Да!

– А он об этом даже и не?..

– Не! Не! Не!

Маришкино признание не сразу укладывается в голове капитана. Он продолжает допытываться:

– Так, значит, все твои дерзости – это из-за?..

– Из-за! Из-за! – со злостью кричит Маришка.

Капитан встает и начинает взволнованно расхаживать по каюте. Он повторяет в разных интонациях:

– Любовь... любовь... гм... любовь... любовь... Нет, я сойду с ума! Любовь... Вы только подумайте – любовь... У этой девчонки любовь?! У этой пигалицы, которая не может даже решить, чем в жизни заняться, и только знает, что высмеивает достойных товарищей... Просто смешно...

Капитан останавливается перед племянницей.

– Да знаешь ли ты, что такое любовь? Любовь – это чудо. А ты разве способна на чудо? Ты, милая, только на чудачество способна. Вот что... Любовь облагораживает человека. Любовь может заставить броситься в огонь. Ну, скажи честно: ты готова броситься в огонь?

– Кажется, нет, – уныло признается Марианна.

– Вот видишь! – торжествующе говорит капитан. – Так я и думал. А говоришь – любовь... Любовь коня на скаку остановит, в горящую избу войдет... Скажи честно: ты войдешь в горящую избу?

– Что я, ненормальная, что ли?

Марианна готова расплакаться.

– Ну, вот... – капитану становится ее жалко, – ты не унывай, Маришка. Не все рождаются героями. Но тогда хоть постарайся стать просто человеком. Выработай в себе систему. Перестань насмешничать. Постарайся завоевать его уважение. Будь аккуратна, трудолюбива...

Василий Васильевич показывает на шеренгу строгих черных книг.

– Вот стоят великие педагоги – Ушинский, Макаренко, Песталоцци... Они смотрят на тебя с надеждой!

– Я постараюсь, дядя, – серьезно говорит Марианна.

Олег Петрович возвращается в свою каюту.

Он толкает дверь и застывает в изумлении. Многострадальный глобус опять валяется на полу, а на столе, со старпомовской трубкой в зубах, сидит шимпанзе.

Шагнув в каюту, старпом прикрывает дверь.

Но обезьяна и не думает убегать – она пришла сюда отдохнуть от дневных трудов. Вынув обслуживленную трубку изо рта, зверек дружелюбно протягивает ее старпому.

– Нет уж, спасибо, – говорит Олег Петрович. – Оставь себе.

Достает из кармана другую трубку, садится и закуривает.

– А ты знаешь, что тебя приказано утопить? – спрашивает он.

Легкомысленная обезьяна вместо ответа становится на голову.

Олег Петрович задумчиво пускает клубы дыма.

– Что же мне делать с тобой, приятель?

Стук в дверь кладет конец его раздумьям.

Старпом хватает обезьяну за шиворот, засовывает в платяной шкаф и закрывает дверцу.

Затем, поставив глобус на место, говорит своим обычным бесстрастным голосом:

– Войдите.

Входит капитан.

– Я, Олег Петрович, все думаю об этой проклятущей обезьяне. Где ее искать?

– Искать ее больше не надо, – отвечает Олег Петрович, – я ее поймал и выкинул за борт. Согласно вашему приказу.

Капитан смотрит на старпома с ужасом и уважением.

– Да... Вы действительно железный человек. А вот я бы, наверное, дрогнул... Ну, бог с ней. Забудем ее, как кошмарный сон.

И вдруг челюсть капитана отвисает. Зеркальная дверца шкафа отошла, и на Василия Васильевича пялится шимпанзе в таком же, как у капитана, белом кителе и морской фуражке.

Не веря своим глазам, капитан поворачивается к старпому.

– Олег Петрович... Что это?

Но старпом уже успел ногой закрыть дверцу.

– Это зеркало, – говорит он.

Действительно, капитан видит зеркало и свое отражение в нем.

– Гм... – произносит он, – мне показалось, что у меня какое-то странное выражение лица и что я не брит.

Капитан озабоченно проводит рукой по щеке.

– Странно... Так вот, я хотел поговорить с вами о вашем рапорте. Теперь, когда установлено, что хулиганила на судне покойная макака, а не Марианна...

Марианна подходит к каюте старпома, неся перед собой на деревянных плечиках свежеглаженный китель. Она уже собиралась постучать, но, услышав свое имя, решает послушать дальше.

– Ну и что? – доносится вопрос из-за двери. – Не извиняться же мне перед ней!

– А почему бы и нет? Девочка очень старается быть хорошей...

За дверью Маришка энергичным кивком подтверждает правильность этой характеристики.

Капитан продолжает:

– Я видел, она вам китель постирала и погладила.

– Извиняться перед девчонкой? Ну, нет, ни одна женщина никогда этого не дожидается. У меня есть принципы. Я презираю женщин.

– Но это ужасно, – говорит огорченный капитан.

– Я имею основания. – Старпом встает. – Вы говорили, что обезьяна на судне хуже динамита... А женщина на судне хуже обезьяны. Словом, извиняться перед девчонкой не хочу, не могу и не буду.

Он открывает перед капитаном дверь, и не успевшая отскочить Марианна получает дверью по лбу.

– Извините, – машинально говорит старпом.

Маришка смотрит на него с ненавистью. Потом, безжалостно скомкав китель, кидает его на пол, к ногам старпома.

– Я вам китель принесла!

Вечер. На корме «Евгения Онегина» на фоне роскошного тропического заката драит палубу матрос Мотя. Рядом стоит Маришка.

– Мотя, ты мне друг? – спрашивает она.

– Нет, Марианна Андреевна. Я не друг, я влюбленный.

– Ну, тем лучше, – соглашается девушка. – А ты знаешь, что такое любовь? Ты можешь броситься в огонь?

– Могу, Марианна Андреевна.

– А коня можешь остановить на скаку?

– И коня могу, Марианна Андреевна. Только прикажите. Любое доказательство представлю.

– Вот и представь. Отомсти за меня одному человеку.

– За вас? Пожалуйста. Пусть это будет хоть сам председатель судкома. Говорите – кому?

Двенадцать звериных глоток рыком возвещают о появлении старпома.

Олег Петрович неторопливо идет по мокрой палубе. Вот проверил найтовы у шлюпки. А вот провел рукой по поручням – нет ли грязи и ржавчины.

Марианна молча показывает Моте пальцем на широкую старпомовскую спину. Мол, вот кому нужно за нее отомстить. Мотя так же беззвучно ужаснулся и замотал головой.

Старпом уходит, оставляя на сухой стороне палубы цепочку влажных следов.

– Ну нет, кому хотите, только не железному моряку. Я его очень уважаю. Это знаете какой человек? Что ни скажет – закон. Никогда не ошибается.

– Но он сказал, что я хуже обезьяны! – взывает Марианна к Мотиному сочувствию.

– Ну, может быть, на этот раз он немного ошибся... – Мотя оставляет швабру. – Марианна Андреевна! Я вас больше жизни люблю. Я часто мечтаю, чтобы на вас кастрюля с горячими щами вылилась!

Девушка недоуменно глядит на него.

– А я бы вам тогда свою кожу отдал для пересадки. Как в газетах пишут, – объясняет Мотя. – Все для вас сделаю, но против железного моряка не пойду!..

Марианна обиженно отворачивается. Она смотрит на отпечатки башмаков, оставленные Олегом Петровичем, и, подражая выправке старпома, идет, ступая в оставленные им мокрые следы. Для этого Марианне приходится делать огромные, нелепые шаги.

Пройдя немного, она, все так же передразнивая походку старпома, возвращается обратно. Ее глаза весело блестят.

– Ну и не надо мне от тебя ничего, – говорит она Моте, – и кожу свою можешь при себе оставить. Я без тебя придумала, как отомстить этому черствому, бездушному типу.

Каюта старпома. Олег Петрович беседует с «подпольной» обезьяной. Они сидят за столом друг против друга.

– ...Задал ты мне задачу... – задумчиво говорит старпом, пуская изо рта замысловатые кольца дыма. – Если узнают, что я тебя приютил, конец моему авторитету, понимаешь? Я строгий человек, железный человек. Меня боится и уважает вся команда – и вдруг... А как будет злорадствовать эта девчонка, которую я ненавижу. Ненавижу? Ненавижу. Ты что на меня так смотришь? Не веришь? А я говорю – ненавижу. Гм... ненавижу? Ненавижу, определенно ненавижу... Так вот, чтобы тебя не обнаружили, дверь будет всегда заперта, и ты открывай только мне. На три стука. Понял?

Он стучит в дверь три раза, и шимпанзе с готовностью становится на голову.

– Ну нет, не совсем то... Вот смотри, – втолковывает старпом, сопровождая свои слова действиями. – Три удара в дверь... Я тяну задвижку... И получаю кусок сахара. – Он кладет себе в рот кубик сахара. – Теперь давай ты.

Олег Петрович снова стучит условным стуком, и на этот раз обезьяна открывает задвижку.

Старпом дает ей сахар, и в этот момент раздается негромкий стук в дверь. Обезьяна бросается отворять.

– Ты что, до трех считать не умеешь? – шепчет старпом, с трудом удерживая ее. – Это чужой!.. Сгинь!

Шимпанзе кидается на постель и с головой накрывается одеялом.

Олег Петрович открывает дверь.

В коридоре пусто. Глухая ночь. Только тарахтит машина да покачивается судно.

Старпом хочет уже закрыть дверь – и вдруг застывает на месте. Он видит на полу возле своей каюты четкие следы тигриных лап.

В конце коридора неясный шум. Старпом вздрагивает. Он снимает с пожарного стенда топорик и осторожно идет по следам. Они выводят на палубу...

Ночное море вокруг.

Старпом крадется все дальше. Следы кончаются у клеток с тиграми. Олег Петрович считает зверей. Все на месте. Он ощупывает задвижки... Все нормально. Но на обшивке палубы явственно чернеют тигриные следы.

– Мистика! – растерянно шепчет старпом.

Запись в журнале:

«Снова начались таинственные происшествя. Ночью по судну ходил тигр. Видны следы. Человеческих жертв пока нет. За необеспечение безопасности старпому объявлен строгий выговор».

Маришка стоит у борта, подставив лицо солнышку, и чему-то загадочно улыбается.

Дверь камбуза распахивается, и в облаке пара появляется кок.

– Маришка! Ступай в кладовку, мне перец нужен!

– А мышь? – жалобно говорит Марианна.

– Давай, давай! На полусогнутых! – И Филиппыч скрывается в камбузе.

...Марианна приоткрывает дверь кладовки. Точно: в луче света, клином упавшего на пол, сидит мышонок и с интересом смотрит на девушку.

– Брысь, брысь, я тебя прошу... – уговаривает Марианна.

Но мышь направляется в ее сторону.

Девушка с визгом выскакивает из кладовки и захлопывает за собой дверь.

– И чего она ко мне лезет? – жалуется Маришка матросам, которые неподалеку плетут маты. – Она по ночам ко мне в каюту приходит. Вчера под одеяло залезла. Мотя, сходи за меня в кладовку.

– Иди, не опасайся, – говорит Сидоренко, ухмыляясь. – Нету уже там мыша. Я позаботился.

– Нет, есть! Я видела.

– И чего ты их так боишься? – говорит Сидоренко. – Не стыдно тебе?

– Нисколько... Я, когда маленькая была, никого не боялась. Ни лошадей, ни собак, ни коров... и они меня не трогали и сами все за мной ходили. У меня даже лисенок жил... А как выросла, стала бояться... Мотя! Ну сходи...

Мотя поднимается.

– Вообще-то я тоже мышей не уважаю... Но, – заканчивает он, понизив голос, – чего для вас не сделаешь!.. Я на все готов...

...Он осторожно открывает дверь в кладовку.

– Выключатель слева, – шепчет Маришка.

Что-то щелкает. Вскрик. Снова щелчок, и снова вскрик, даже стон.

– Ой! Что там?

Мотя появляется в дверях. На его ноге защелкнувшаяся мышеловка, на руке – тоже. Он поворачивается, чтоб захлопнуть дверь, и мы видим, что на тыльной стороне Моти тоже висит большая крысиная западня. Но в свободной руке храброго матроса трофей – банка с перцем.

– Откуда там мышеловки? – удивляется Марианна.

– Я поставил, – говорит Сидоренко. – Только я их не на Мотю, а на мыша ставил.

Он отцепляет от дружка капканы. Марианна берет у Моти перец.

– Спасибо, Мотенька... А за твоё геройство я тебя поцелую в лобик.

На мостике – капитан и старпом. Старпом смотрит в бинокль. Но обозревает он не морские дали: бинокль наведен на Маришку. Тем временем капитан размышляет вслух.

– По возвращении в Одессу я буду ходатайствовать о том, чтобы вам вернули звание капитана. Как вы на это смотрите?

В бинокль видна – возмутительно крупным планом – Маришка, целующая Мотю в лоб.
– Я на это смотрю крайне отрицательно, – машинально говорит старпом и опускает бинокль. – Простите, что вы сказали?

Но в этот момент раздается дикий крик:

– Полундра!

И опять:

– Полундра!

На досках палубы четкие следы тигриных лап. Совершенно белый от волнения, второй помощник капитана показывает на них пальцем. Сбегаются моряки. Полное оштолбенение, ибо клетки заперты и все звери на местах.

Трясущийся Шулейкин опускается на колени, всматривается, зачем-то трогает следы пальцем, бормочет, заикаясь:

– А может, это не тигриный след...

– А чей? – спрашивает подоспевший капитан. – Человечий?

Шулейкин затравленно озирается. Вдоль цепочки тигриных следов, задрав хвост, идет по палубе полосатый котенок. Шулейкин показывает на него дрожащим пальцем.

– А может быть...

– Не стройте из себя дурачка! – гремит старпом. – Кто вам позволил выпускать тигров из клеток?

– И зачем? Пусть он скажет зачем? – кипятится капитан.

На лице Шулейкина отчаяние. И вдруг он выпрямляется, гордо выпячивает грудь и сжимает кулаки. Терять ему больше нечего.

– Да, – говорит он с достоинством. – Я это делаю! Каждую ночь.

Жуткая тишина. Шулейкин наслаждается ею.

В глазах у Маришки подозрительно веселые искорки.

– Да, товарищи! – говорит Шулейкин. – Тиграм надо гулять. Чтобы у них не было рахита. И ночью я их пасу... все равно у меня бессонница. Вот и все.

– Все? Нет, не все! – взрывается капитан. – Если вы еще раз выпустите их, я... я посажу вас в цепной ящик! Поняли? В ящик, где хранятся якорные цепи!.. Боцман!

– Есть!

– Позаботьтесь, чтобы укротитель спал по ночам без просыпу! Под вашу ответственность!.. А вам, Олег Петрович, строгий выговор с занесением в личное дело. На судне пасутся тигры! Зоопарк!

Оскорбленные тигры хором заревели в своих клетках. Капитан заткнул уши и пошел прочь.

Он поднимается на мостик и вздрагивает. И здесь перед ним четкий отпечаток тигриной лапы.

Остатки капитанских волос поднимаются дыбом.

На мостик пыхтя всходит толстяк Шулейкин. У него под одной рукой свернут матрац, в другой чемодан.

– Я все осознал, – бормочет Шулейкин. – Я готов понести кару... Посадите меня под арест, до самой Одессы!.. Куда садиться? Где он, ящик?

– Убирайтесь вон вместе с вашими тиграми, – кричит капитан тонким голосом и хватается за сердце.

Страница вахтенного журнала судна «Евгений Онегин».

Чья-то рука пишет: «Таинственные следы продолжают появляться. Отказались выйти на вахту три кочегара; они утверждают, что видели ночью тигра, который смеялся, как человек. Старпому объявлен еще один строгий выговор с предупреждением!»

Олег Петрович залез под чехол лебедки недалеко от клеток со зверями. Железный моряк в засаде.

...Глухая ночь. Сильная качка. Летят брызги из-за борта, гуляет ветер. И вдруг старпом видит смутную тень. Тень четырехного и бесшумна. Держа в руке пожарный топор, старпом, крадучись, вылезает из укрытия. Тень хихикает женским голосом. Старпом насторожился, смотрит...

По палубе «Евгения Онегина» вышагивает на четвереньках Маришка. На ее руках и ногах сшитые из тряпья подушечки, имитирующие тигриные лапы.

Старпом идет за ней, наблюдая, как появляются на палубе страшные когтистые следы.

– Товарищ буфетчица, потрудитесь принять вертикальное положение! – металлическим голосом произносит Олег Петрович.

– Ой! – Маришка выпрямляется.

– Да... – устало говорит старпом. – Этого я не ожидал даже от женщины.

В этот момент судно накренилось и Маришку бросило прямо на грудь железному моряку.

– Соблюдайте дистанцию! – морщится он.

– Это не я!.. Это качка!..

Олег Петрович показывает на лжетигриные следы:

– Зачем вы это делали?

Бесстрастный голос старпома выводит Маришку из себя.

– Потому что я вас терпеть не могу! Потому что вы отравитель всей моей жизни! Потому что вы... – Она останавливается, задохнувшись от ярости. – И делайте со мной что хотите! Можете бросить за борт, как мартышку бросили! Вы на это способны.

Качка снова кидает ее в объятия Олега Петровича. Стараясь удержаться, девушка упирается ему в грудь рукой, и на белом кителе старпома отпечатывается черный тигриный след.

Пауза. Враги стоят, в упор глядя друг на друга. Кажется, вот-вот произойдет что-то страшное.

– Вот что, – произносит наконец Олег Петрович, – идите спать. И чтоб это было в последний раз!

Такого оборота Маришка никак не ожидала.

– Почему же вы не ведете меня к капитану?!

– Потому что вы очень глупая девчонка! – говорит старпом. – И мне вас просто жалко!

Он поворачивается к ней спиной и вешает на стенд пожарный топорик.

– Не надо мне вашей жалости! Не надо. Я вам не позволю себя жалеть! – чуть не плача, кричит Марианна.

Но старпом уходит, не обернувшись.

Раз, два, три, – стучит он в дверь своей каюты. Кто-то открывает изнутри задвижку, и старпом гордо входит к себе.

Закрывшись изнутри намертво – просунув ножку стула в ручки двери своей каюты, – собирается спать капитан... Он уже отстегнул подтяжки и обул шлепанцы.

Стук и голос Марианны:

– Это я, дядя!

Капитан, наспех натянув китель, разбаррикадирует дверь.

В каюту врывается Маришка.

– Дядя! Знаете, кто делал тигриные следы?.. Это я! Понимаете, я! И ни капельки не раскаиваюсь! Вот!..

– Не может быть... Ты? Как!.. – говорит потрясенный капитан.

В качестве доказательства Маришка ставит своей «тигриной лапой» черный штемпель на подушку капитана.

Василий Васильевич хватается за голову. Он вне себя от возмущения.

– Какой ужас! Какой позор! Член нашего коллектива!.. Работник пищеблока! И кого ты подводишь под выговоры?!.. Олега Петровича!.. Вот она твоя так называемая любовь, она только на такую глупость и способна...

...Марианна сидит за столом капитана, грустно задумавшись. Она положила подбородок на руки, одетые в «тигриные лапы».

– ...А твое легкомыслие! Какие ты только не меняла профессии, кем только не собиралась стать!

– Да, правда... – печально говорит Марианна, – я еще не нашла своего призвания...

– «Не нашла», «не нашла», а когда найдешь, откуда ты будешь знать, что нашла?

– Ну, я тогда сразу почувствую... каждый человек на что-то способен, только иногда не так легко найти свой талант... не так легко... понимаете?..

– Ничего ты не найдешь, и ничего из тебя не выйдет, – говорит капитан, – так и останешься в жизни балластом.

Он поворачивается к полке с книгами. Маришка хихикнула: из-под кителя капитана, как хвост, свисают подтяжки.

– Лично я не вижу ничего смешного! – говорит капитан. – Пойми, Маришка, главное в человеке – система, порядок, собранность, аккуратность. Все об этом пишут! – Он тычет пальцем в книжные корешки... – Вот... Великий педагог Ушинский... Макаренко... Песталоцци...

Маришка безудержно хохочет, оттого что, пока капитан произносит со всей серьезностью эту сентенцию, у него болтаются подтяжки, как хвосты.

Смех девушки выводит капитана из себя. Он швыряет на пол толстую книгу.

– Плетка тебе нужна, а не Песталоцци!

Василий Васильевич взволнованно поворачивается и идет к двери. Вдруг что-то потянуло его назад – это подтяжки зацепились за ручку кресла.

– Не трогай меня! – говорит капитан, не оглядываясь. – Мне не о чем с тобой говорить.

Он раздраженно шагнул вперед, подтяжки срываются и с силой хлопают его пониже спины.

Маришка истерически хохочет – она уже не может остановиться.

– Тебе смешно? – рычит Василий Васильевич. – Хватит! Властью капитана и дяди я сажаю тебя под арест!

На двери Маришкиной каюты большой, как калач, замок.

Кок Филиппыч отмыкает замок и кричит:

– Выходи на штрафные работы!

Щурясь от солнца, выходит Марианна.

Возле камбуза ее поджидают верные друзья – Мотя и Сидоренко.

– Мариша! – говорит Сидоренко. – Мы с тобой. Мы, как мушкетеры!..

Филиппыч обрывает его:

– Катись отсюда, мушкетер, мелкими брызгами! Не велено общаться.

Он заводит Марианну в камбуз и дает ей мешок с картошкой.

– Вот. Очистки кидай в ведро.

В камбуз протискивается Шулейкин.

– Отбываете, значит, – констатирует он с удовлетворением. – А ведь мог невинно я пострадать...

Маришка с отвращением чистит картофель.

Шулейкин приподнимает крышку кастрюли.

– Какой увар-то? – деловито спрашивает он Филиппыча. – Процентов сорок дают?!

– Вот человек! – назидательно говорит Филиппыч Маришке. Укротитель зверей, а понимает даже кулинарию... А тебя учи, не учи...

– А кто раскладочку утверждает? – интересуется Шулейкин.

– Старпом, Олег Петрович.

– Серьезный товарищ, – одобряет Шулейкин. – Капитан против него куда поживе.

– Так он сам был капитаном, – вздохнув, говорит кок. – На этом же «Евгении Онегине», да вот понизили беднягу.

– Ай-яй-яй!.. И за что же это?

– За пассажирку. Он в нее влюбился без памяти, а она ему мозги крутила... Красивая была, артистка по профессии. Фигурой на ходу повиливала – дух захватывало. Эх! – спохватывается кок. – Лавры! Лавры-то я забыл положить.

Он кидает в суп лавровый лист.

Маришка с нетерпением ждет продолжения рассказа.

– ...И вот подходим мы к Одессе, к причалу, а пассажирка – шась к нему на мостик и говорит: так, мол, и сяк... все это ошибка, взаимное заблуждение, я вам забыла сказать, что я замужем. Вон меня муж встречает, а вам... счастливо плавать...

Марианна жадно слушает. Забыв обо всем, она кидает очищенный вымытый картофель в помойное ведро, а шелуху в котел.

Филиппыч рассказывает:

– ...Олег Петрович стоит в ошолоблении, а «Онегин» полным вперед работает. Так мы с полного хода и резанули в причал носом. На меня бачок с компотом как жхнет... Страшно вспомнить. Тут и кончилось его капитанство.

– Да, пострадал человек за любовь... – философствует Шулейкин.

Маришка не выдерживает:

– При чем тут любовь? Может быть, это было у него минутное увлечение...

– А ты что слушаешь? – сердится кок. – Ты работай.

– Ничего я не слушаю... Мне и неинтересно!

Филиппыч заглядывает в котел и ахает: в супе плавают очистки, а в поганом ведре чистый картофель.

– Ну, ответь, какая от тебя в жизни польза? – горестно вопрошает кок. И сам себе отвечает: – Никакой пользы, кроме вреда!

«Евгений Онегин» идет по синим волнам океана...

...Маришка печально сидит взаперти в своей каюте.

Лязг замка. Входит матрос Кныш.

– Чего раскисла, как медуза? – дружелюбно говорит он. – Я тебе обед принес.

– Неси назад. Объявляю голодовку.

Кныш удивленно смотрит на девушку.

– Я требую, чтобы сюда пришел старпом. Пока не придет, ничего не буду есть!

– Не дури. Скажи лучше, куда вилки-ложки дела? Команде есть нечем.

– Ешьте руками... Придет старпом, тогда скажу.

Пожав плечами, матрос поворачивается к двери.

– А что за компот? С персиками? – не выдержав, спрашивает Маришка.

– А какая тебе разница? Ты же заявила голодовку.

– Ладно, компот оставь... А по остальному – голодовка.

Матрос уходит. Марианна со вздохом принимается за компот, но тотчас, вскрикнув, вскакивает. В углу появился знакомый нам мышонок.

– Нашел, чертенок. Ну чего ты за мной ходишь?... Сидел бы в кладовке – там продуктов много...

Мышонок взбирается на стол, усаживается против Марианны и внимательно смотрит на нее своими черными глазками. Марианна садится в дальний угол каюты.

– Неужели непонятно, что человек может бояться мыши... Какой-то ты глупый... ну ладно, сиди. Только не подходи ближе...

Мышонок шевелит носом, подбирает хвост, видимо, готовясь к беседе.

Маришка отставила компот, уютно уселась в уголке и задумчиво говорит:

– Эх, мышь, мышь, хочешь, я тебе расскажу об одной дуре, которая полюбила не человека, а кусок железа...

Мышонок слушает, поблескивая черными бусинками глаз. Вдруг он насторожился, прислушался и исчез.

Щелкает замок. Входит старпом.

– Зачем вы меня вызвали?

– Я хочу за все, за все попросить у вас прощение... Мне очень стыдно, что я вас дразнила. Старпом с подозрением смотрит на Марианну.

– А чем вызвано ваше раскаяние? – сухо спрашивает он.

– Вы меня не обманете своей суровостью, я ведь понимаю, какой вы...

– Я всегда думал, что вы вздорная, бессмысленная, ни на что не годная девица. Но сегодня я понял, что недооценивал вас...

Голос его начинает чуть заметно дрожать. Люди, знающие старпома, сказали бы: «Олег Петрович вне себя от ярости».

– Вы готовы унижаться... лгать... лицемерить, извиняться, лишь бы вас отсюда выпустили!.. Стыдитесь!! – Он берет себя в руки. – А кроме того, не я вас сажал, не ко мне и подлизывайтесь.

Маришке и в голову не могло прийти, что ее искренний порыв будет так ужасно истолкован.

– И это все, что вы поняли? – тихо говорит она и, резко повернувшись, отходит к иллюминатору.

Старпом пожимает плечами, выходит из каюты и вешает на дверь замок. Вдруг до него доносятся какие-то жалобные звуки. Он прислушивается. Да, сомнений быть не может – это плачет Марианна.

Старпом направляется к своей каюте.

Шимпанзе перед зеркалом чистит зубы сапожной щеткой.

Троекратный стук в дверь.

Не прекращая своего занятия, шимпанзе привычным движением отодвигает задвижку.

Старпом входит, опускается на стул. Его не смешит вымазанная сапожным кремом морда обезьяны.

– Ох и глуп же ты, братец, – говорит он и, подумав, грустно добавляет: – А я, кажется, еще глупее...

Шимпанзе прижимается к Олегу Петровичу и ласково гладит его щеткой по волосам.

А Марианна в своей каюте разговаривает с мышонком, который снова появился. Девушка сидит на стуле, подобрав ноги. Слезы у нее уже высохли.

– Давай я тебя буду кормить, кормить, кормить... Ты вырастешь большой, как тигр, пойдешь и загрызешь его... дурака такого! Ладно?

Мышь приближается к ее стулу.

– Не подходи! Соблюдай дистанцию.

И Маришка поспешно перебирается со стула на свою койку.

Капитан спускается с мостика. Внизу его подкарауливают трое. Мотя, Сидоренко и Кныш.

– Товарищ капитан, – робко говорит Мотя. – Мы делегация от команды.

– Насчет буфетчицы, – поясняет Сидоренко. – Хотим взять ее на поруки.

– Никогда! Если она моя племянница, это еще не значит...

– Ну девчонка, просто веселая... – басит Кныш. – Что ж ее за это на нее повесить?

– Идите, отдыхайте, – неумолимо говорит капитан. – А арестантку выбросьте из головы.

Но сам Василий Васильевич забыть про Марианну не может. Он направляется к каюте старпома.

– Можно к вам, Олег Петрович?

Услышав незнакомый голос, обезьяна прыгает на койку и накрывается с головой одеялом. Входит капитан.

– Лежите, лежите! – поспешно говорит он, заметив движение под одеялом. – Я пришел не как начальник к подчиненному... Я пришел как человек к человеку. – Расхаживая по каюте, он продолжает: – Я все думаю о Марианне. Не слишком ли я с ней суров?... У нее было трудное детство... трудное, собственно, для ее родителей. Что она вытворяла!.. Но это была веселая и добрая девочка... – Капитан растроганно улыбается. – И одна косичка всегда торчком, как ухо у щенка... Согласен, плохо, что она не нашла еще своего места в жизни. Но что говорит великий Песталотти? «Человека образуют обстоятельства». Помните?

Одеяло шевелится. Вероятно, это означает согласие с Песталотти.

Василий Васильевич присаживается на край койки рядом со своим молчаливым собеседником.

– Труд! Вот что спасет девочку! Тот самый благотворительный труд, который превратил обезьяну в человека...

И тут капитан замечает черную волосатую лапу, которая высунулась из-под одеяла.

Дико вскрикнув, капитан пробкой вылетает из каюты.

Соблазн велик – дверь открыта настежь! И шимпанзе выходит в коридор.

На палубе Сидоренко уговаривает Мотю:

– Если хочешь победить на конкурсе, ни одного дня не пропускай... Давай, тренируйся.

– Настроения нету...

– Давай, давай! Настроением ты Маришке не поможешь.

Сидоренко подносит к губам гармонику. Мотя пытается танцевать чечетку. Он делает это терпеливо и старательно, но очень плохо.

– Стоп, машина! – говорит Сидоренко. – Мотя, ты меня расстраиваешь... Жук, дай, пожалуйста, образец... – просит он проходящего по палубе маленького кочегара.

Кочегар прямо так, с ходу, «дает» несколько коленец высшего класса. Мотя смотрит и вздыхает. Сидоренко снова играет вступление.

Шимпанзе вышел на палубу. Его никто не замечает.

– Мотя, начали! – командует Сидоренко. И... раз, два, три... И... раз, два, три...

Мотя послушно топчется на месте. Раз... два... три... – Он сбивается.

Шимпанзе заволновался. «Топ-топ-топ», – доносится до него. Три удара – условный сигнал!

Обезьяна ищет – где же засов, который нужно открыть? Она замечает ящик с пожарным песком, прикрепленный к стене.

«Топ-топ-топ»...

Шимпанзе открывает засов ящика, и песок высыпается на палубу.

«Топ-топ-топ»...

Что еще можно открыть?

Взгляд обезьяны падает на засов клетки с тигром. Натужившись, шимпанзе отодвигает засов.

«Топ-топ-топ»... – снова начинает Мотя, и обезьяна открывает вторую клетку.

«Топ-топ-топ»...

Обезьяна бежит вдоль клеток и с видимым удовольствием открывает засов за засовом.

Один из тигров упирается лбом в дверцу, распахивает ее и выходит на свободу... За ним второй, третий...

Вдоль борта идет со шваброй и ведром матрос Самсонов. Он замечает на палубе тигриный след.

– Опять Маришка чудит! – смеется матрос.

Начинает затирать след шваброй. Сзади раздается рык.

– Во дает! – заливается Самсонов. – Брось, Маришка, не купишь!

Оборачивается, и по лицу матроса мы понимаем, кого он увидел. Летят на палубу ведро и швабра. Самсонов вмиг взбирается на шлюпбалку.

– Кореша! Полундра! – вопит он.

На крик оборачиваются Мотя и Сидоренко. Губная гармоника, жалобно пискнув, умолкает.

По палубе медленно и величественно шествует тигр.

Мгновение – и Сидоренко уже сидит за бортом на лапе якоря.

А Мотя – за противоположным бортом – качается на штормтрапе.

Ходовая рубка. На руле – Кныш. Старпом пилит его:

– Судно нужно держать точно по курсу, а вы, уважаемый товарищ, рыскаете... Чуть лево возьми! Так держи!..

Расслабленной походкой входит капитан.

– Олег Петрович, – говорит он неуверенно. – Я, наверно, нездоров. Я был у вас в каюте, и мне показалось...

Он умолкает – в дверь просовывается когтистая полосатая лапища. Старпом не видит ее.

– Что показалось? – спрашивает он.

– Да нет, ерунда... Мне все время что-то кажется...

Капитан с досадой захлопывает дверь, и сразу же раздается негодующий рев.

Страшной силы удар потрясает дверь. Она распахивается с пушечным гулом, отскочив от переборки, летит назад и бьет по морде возникшего на пороге тигра. Рык... Еще один удар по двери.

– Мамошка... – шепчет Кныш, бросая штурвал.

Василий Васильевич стаскивает с головы фуражку и зачем-то швыряет ее в зверя.

Рычание. Тигр трясет прищемленной в дверях лапой.

Старпом командует, пятясь:

– Уходим через окна. Кныш, бегите к радисту! Пусть известит команду!

Капитан с большим проворством лезет в окно.

Вот он уже на верхнем мостике. Старпом присоединяется к нему.

«Евгений Онегин», оставшись без управления, выписывает по морю немыслимые зигзаги.

– Теперь одна надежда – на запасной штурвал, – говорит старпом.

Оба моряка торопливо стягивают с запасного штурвала чехол.

Из палубного репродуктора доносится скрип, потом включается радиотрансляция: «Передаем концерт по заявкам моряков торгового флота...»

Тигр в рубке. Он с интересом обнюхивает новое помещение. Штурвал начинает вращаться, так как он синхронно связан с верхним штурвалом на мостике. Рукояти бьют зверя по морде. Это злит тигра, и он бросается на штурвал, ударяет по нему лапой.

Капитан и старпом летят в сторону от своего верхнего штурвала, который теперь кружится с огромной скоростью в обратном направлении. Это сейчас сплошной мерцающий круг. «Онегин» совершает немыслимый поворот.

В машинном отделении старшего механика качнуло. Он наклоняется к переговорной трубе, свистит в нее:

– Рулевая рубка! Кто на вахте?

В ответ доносится рев.

– Сердится старик, – говорит механик своему наперснику. – Совсем озверел!

Тигр обнюхивает переговорную трубу. Слышится голос старшего механика: «Не понял вас, Василий Васильевич!» Вместо ответа тигр бьет по трубе лапой. Труба рушится. Тигр обрывает телефонный кабель...

На верхнем мостике.

Капитан изо всех сил дует в переговорную трубу. Старпом кричит в телефонную трубку.

– В машине! В машине! Никто не отвечает.

– Надо вызвать по радио из ближайшего порта вертолет, – говорит капитан.

По пустому коридору из-за двери с замком разносится голос Марианны.

– Ну ладно! Я преступница и сижу в тюрьме, но дайте же мне поесть! Я отменяю голодовку! Я все, все скажу! Вилки и ложки в нижнем ящике!..

Марианна колотит кулаками в дверь:

– Товарищи! Вы про меня забыли!.. Конечно, вам там хорошо!..

По коридору надстройки мчится боцман. За ним гонится лев.

Коридор состоит из секций, отделенных друг от друга дверями.

Проскакивая очередную дверь, боцман прижимает ее спиной, торопливо стучит в ближние каюты, кричит:

– Братишки! Полундра! Звери всплыли!

В этот момент в дверь, которую он держит спиной, ударяет лев. Боцман стрелой несется дальше и оказывается на палубе.

Из динамика доносится: «По заявке боцмана парохода “Евгений Онегин” передаем “Реквием” Моцарта... Слушайте ваше любимое произведение, товарищ боцман...»

Но товарищ боцман ничего не слушает – лев уже совсем близко.

Боцман влетает в одну из опустевших клеток и трясущимися руками задвигает засов. Добежав до клетки, лев обнюхивает ее и разочарованно отходит.

Боцман, почувствовав себя в безопасности, наглеет.

– Ты, тварь, еще не знаешь боцмана! – кричит он царю зверей. – Меня так просто, без хрена не сожрешь!

Вдруг куча соломы в углу – постель обитателя клетки – начинает горбиться и шуршать.

Боцман умолкает. Под звуки заказанного им «Реквиема» он отступает и прижимается спиной к решетке.

Из соломы осторожно выглядывает «укротитель» Шулейкин.

– Елисей Степанович! Вы дверку закрыть не забыли? – осведомляется он.

Боцман потрясен.

– Товарищ укротитель?.. А вы зачем здесь?

– «Зачем», «зачем»... За тем, за чем и вы, – сварливо отвечает Шулейкин. – Не люблю быть бифштексом.

Боцман решительно отворяет дверцу клетки и энергичными тычками подталкивает «укротителя» к выходу.

– А ну, иди, приступай к исполнению служебных обязанностей. Работай, укрощай.

Шулейкин сопротивляется изо всех сил. Наконец боцману удается вытолкнуть его на простор.

Лев бросается к Шулейкину, но тот со скоростью молнии ныряет в соседнюю клетку и запирается в ней.

Рев зверей разносится по судну.

Второй лев в медпункте. Он жрет подряд все медикаменты. В данный момент он глотает большую коробку с надписью «Снотворное. Люминал».

Проглотил, сладко потянулся и зевнул.

Дверь с надписью «Радиорубка» прикрыта неплотно. Из щели торчит задняя половина тигра. Хвост зверя бешено извивается. И есть от чего. На дверь изо всех сил давят Кныш и второй штурман. Они зажали тигра дверью и держат. Хвост бьет их по физиономиям.

– Не ослабляй! Не давай слабины! Навались! Навались! – пришептывает второй штурман.

Кныш наваливается, глаза у него сошлись к переносице, в зубах горящая папироса.

– Выплюнь папиросу... – говорит штурман, – она тебе мешает.

– Не приучен кидать окурки на палубу, – сквозь зубы бормочет матрос.

Хвост зверя ударяет его по лицу. Горящая папироса описывает в воздухе параболу и влетает второму штурману за шиворот.

– Горю... – с ужасом говорит тот, – горю, как свеча.

Из-за воротника у него появляется дымок.

Зажатый тигр пытается освободиться.

Кныш и штурман еще сильнее наваливаются на дверь. Тигриный хвост лупит их теперь по физиономиям безостановочно, они не успевают отворачиваться. Дым из-за воротника штурмана идет все гуще.

Из-за двери несется истошный вопль радиста:

– Держите его! Держите!

Внутри рубки радист. Он со сна, в одних плавках, не сводит глаз с пролезающего в дверь тигра. Руки радиста продолжают стучать ключом. Радист кричит:

– Держите! Я еще не передал сообщение!.. Ай!.. Еще минутку... Включаю трансляцию!

Радист вертит верньеры и выключатели на блоке трансляции. Он делает это, не сводя глаз с тигра. Тигр рычит и облизывается. Радист трясется, но продолжает выполнять свой долг.

В камбузе хозяйничают тигры. Один из них, весь перемазанный мукой, ступает по рассыпавшимся из ящика яйцам.

Кок Филиппыч сидит на крыше камбуза и с тоской смотрит на все это.

– Омлет сюрприз... – бормочет он.

На шее кока гирлянда сосисок. Он перебирает их, как четки. Из камбуза доносится богатырский чих, а из окон вылетают белые мучные облака.

Три матроса с топорами в руках осторожно крадутся вдоль палубы.

«Реквием» внезапно оборвался. Из репродуктора доносится хриплый и взволнованный голос радиста.

– Всем, всем!.. Спокойствие, товарищи! Нами вызван на помощь вертолет с укротителем... Приказ капитана: тигров ничем тяжелым не бить и шкур им не портить... Груз государственный и должен быть доставлен в целости и сохранности. Каждый зверь стоит сорок тысяч золотом.

Кок Филиппыч со вздохом втыкает в крышу камбуза свой страшный кухонный нож и взамен вооружается половником.

Три матроса вставляют топоры в пожарные щиты и скрываются в люке, захлопнув за собой крышку.

– Информировать о себе, – продолжает радист. – Передо мной крупный хищник... Его героически зажали дверью второй помощник и матрос первого класса Кныш... Ай! Держите его!.. У него слюна с клыков капает... Братцы...

И здесь что-то совсем неразборчиво – хрип, крик, звон. Затем как бы хруст разгрызаемых костей. И тишина. Гробовая.

Капитан опускает руки по швам. Скорбь на его лице. Старпом снимает фуражку. Ветер горестно треплет волосы моряков.

И вдруг опять голос радиста:

– Тигр достал лапой до плафона и раздавил лампочку... Так... Продолжаю передачу... Ай! Он лезет дальше! Кончаю передачу, ухожу через окно...

К борту подходит тигр, глянув вниз на Мотю, висящего на штормтрапе за бортом, он начинает лениво жевать трос, на котором держится трап. Мотя кричит.

– Товарищ, не жуйте трос... я же за борт свалюсь...

Корма. Боцман орет из своей клетки Шулейкину, сидящему в соседней:

– Окопался, укротитель!! Был бы я к тебе поближе!..

Он яростно трясет прутья клетки.

По палубе, спасаясь от двух тигров, скачет обезьяна. Пробегая мимо боцмана, она выхватывает из-под клетки, где сидел боцман, деревянный клин, швыряет в своих преследователей и уносится дальше. Клетка передвижная, на колесиках. Клин, как «башмак», удерживал ее на месте. Теперь из-за качки клетка, лишенная опоры, начинает двигаться.

Стукнувшись о клетку Шулейкина, она сбивает с места и ее. При легких кренах «Онегина» обе клетки раскатываются по палубе. Боцман и Шулейкин то съезжаются, то разъезжаются.

Вот клетка с боцманом подъехала к самому борту и нависла над пучиной.

– Амба! – шепчет Елисей Степанович и закрывает глаза. – Прощаю я тебя, Шулейкин.

Но вот обратный крен, и боцман отъезжает на середину палубы.

– Не прощаю, сукин ты сын! Укротитель липовый...

Теперь уже клетка Шулейкина балансирует у самого борта, покачивается, вот-вот рухнет за борт. Даже тигры наблюдают за этим с любопытством.

– Да, я, я во всем виноват! – кается Шулейкин перед лицом смерти. – Укротитель малярией заболел, а я за него вызвался!.. А моя профессия пищеблок. Я буфетчик. И домой захотел. По Одессе соскучился!.. Елисей Степанович, не поминайте лихом. Все-таки я был человек.

Но снова качка меняет клетки местами. Навстречу гибели едет боцман.

Матрос Самсонов со своей шлюпбалки кидает ему трос.

– Держись, боцман!

Елисей Степанович мигом закрепляется. Шулейкин, проезжая, цепляется за боцманскую клетку. Теперь они оба в безопасности и снова начинают перепалку.

– Так ты пищеблок! – шипит боцман. – Ладно, ты у меня попищишь!

– Я ничего не говорил! Это все ваша фантазия. Тигров испугались, вам и мерещится...

Капитан поднимает голову. С неба доносится звук мотора.

Это летит на выручку пестрый, как бабочка, заграничный вертолет.

Сидоренко, сидящий на лапе якоря, Мотя, болтающийся за бортом, пока тигр продолжает жевать трос, кок Филиппыч на крыш камбуза – все приветствуют долгожданного спасителя восторженным «ура!».

Вертолет замирает над палубой. Дверца раскрывается, с вертолета спускают веревочную лестницу, и появляется укротитель.

Да, это не Шулейкин!.. Это настоящий, шикарный укротитель зверей. Он носат и черноус. На нем лакированные ботфорты и ментик из тигровой шкуры. В руке длинный хлыст, за поясом пистолет. Видимо, укротитель прибыл прямо с манежа.

Раскланиваясь во все стороны, он начинает спускаться по лесенке.

– Еде есть тигер? – кричит он. – Я буду его сейчас укротить!

Он щелкает бичом, и немедленно тигры со всех сторон сбегаются к вертолету.

Укротитель стоит на нижней перекладине лестницы. Под ним беснуются огромные полосатые звери – рычат, бьют хвостами, разевают кроважадные пасти.

– Алле-гоп! – уверенно произносит укротитель и еще раз щелкает бичом.

В ответ самый маленький из тигров, подпрыгнув, перекусывает хлыст у рукоятки.

– Абер это есть не дрессированный тигер, – с удивлением говорит укротитель и начинает поспешно подниматься по лестнице.

– Куда? Куда? – кричит с мостика Василий Васильевич. – Мы заплатим! Валютой!

Но укротитель мотает головой.

– Нет! Дас ист айн дикий тигер. Укротить нельзя... Надо пиф-паф артиллерия!..

Пилот дает газ, но взлететь не может: большой тигр зубами держит нижний конец лестницы. Вертолет беспомощно жужжит и бьется в воздухе, как стрекоза, пойманная злым мальчишкой.

– Ап! – надрывается укротитель. – Шнеллер, летать! Ап!

Мотор отчаянно заревел. Лестница, не выдержав, обрывается на сантиметр ниже той перекладины, за которую держался укротитель.

И эффектный брюнет уносится ввысь, болтая в воздухе ногами.

На палубу «Онегина» сыплются с неба его лакированные ботфорты, ментик из тигровой шкуры и рейтузы с позументами.

Мотя с грустью провожает взглядом улетающий вертолет, под которым висит заграничный укротитель в одной рубашке, болтая в воздухе тоненькими кривыми ножками.

Гул мотора слышен в каюте Марианны. Она кричит в щелку двери:

– Дядя!.. Что случилось? Мы тонем? Выпустите меня... я больше не буду!..

– Опасное место, – говорит с беспокойством капитан, – тут полно рифов, а судно не управляется... нужно пробраться к штурвалу... нужно застопорить машину...

– Сейчас попытаюсь, – отвечает старпом и перелезает через перила. – Товарищ капитан, – останавливается он, – я очень беспокоюсь о вашей племяннице. Она там совсем одна.

– Это счастье, что она под замком! Она в безопасности!.. А вот нам что делать?.. Смотрите!..

Большой полосатый зверь лезет прямо на мостик.

Старпом возвращается – путь закрыт окончательно.

Капитан, по-стариковски кряхтя, карабкается на мачту радиолокации и усаживается на дугообразной антенне.

Тигру спешить некуда. Улегшись на мостике, зверь начинает по-кошачьи умыться лапой.

– Положение безвыходное, – с ужасом говорит капитан, – выкинет на рифы, разобьемся к чертям...

Снизу, из рубки, доносится яростный рев. Это один из тигров запутался хвостом в спилах штурвала. Он рвется, пытаясь высвободиться, – и «Евгений Онегин» резко меняет курс.

– Кто изменил курс? – говорит капитан прерывающимся голосом. – Глядите, этот риф был справа, а теперь мы идем прямо на него.

Действительно, «Онегин» по воле тигриного хвоста идет прямо на выступающую из воды скалу.

– Полундра! Разобьемся! – стонет капитан. – Обязательно разобьемся!.. А эти в машинном... Гонят и гонят полный вперед!

В машинном кочегары, мирно беседуя, шуруют уголь. Речь держит большой усатый кочегар.

Он неторопливо говорит:

– Пил я ихнюю пепси-колу... И коку-колу пил. Химия! А возьми ты сухарный квас, да, например, с урюком...

– И что это смена не идет? – думает вслух другой кочегар. – Козла забивают, что ли?..

Работают гигантские мотыли, вращаются маховики.

Судно полным ходом идет на рифы, вокруг которых беснуются океанские волны.

Тигр на мостике облизывается, глядя на старпома.

Другой тигр продолжает бесчинствовать в рубке. Пытаясь освободить хвост из штурвала, он ударяется о блок управления радиолокации.

Тумблер с надписью: «Вращение антенны».

Тумблер щелкает. Вспыхивает контрольная лампочка. Гудит мотор.

...Капитан начинает вращаться вместе с антенной, на которой он сидит.

– Что случилось? У меня кружится голова? – кричит он, вращаясь все быстрее и быстрее. – Или это судно кружится?

Но старпом не слушает.

– Смотрите! – говорит он.

Судно продолжает лететь на бушующие вокруг рифов буруны. Старпом с тревогой глядит на неумолимо приближающийся риф. Вращаясь на своей антенне, капитан кричит:

– Эй! Кто-нибудь! Отгоните зверье водой от рубки! Дорога секунда!.. Судно гибнет... Идем на рифы...

– Есть, товарищ капитан! – кричит в ответ механик, появляясь на палубе с пожарным шлангом. – Даю пять атмосфер! Они у меня сразу за борт попрыгают!

Бесстрастно пережевывая жевательную резинку, механик раскатывает и подключает шланг.

– Не смейте трогать зверей! Каждая штука по накладной сорок тысяч валютой! Не смейте! Меня в тюрьму посадят! – кричит Шулейкин из своей клетки.

Но механик уже открыл вентиль. Он направляет струю на ближайшего тигра.

– В цирке их всегда водой пугают, – говорит он Шулейкину, – чего зря паникуете...

Тигр ничуть не пугается воды. Наоборот, он резвится под струей. На его довольный рык сбегаются другие звери. Резвясь и играя, все ближе подступают они к механику.

Тот бросает шланг и, уже не пытаясь сохранять достоинство, ретируется, а шланг, извернувшись по палубе, дает ему все свои пять атмосфер в спину.

Звери треплют и крутят шланг. Струя ударяет по Шулейкину и по боцману. Увертываясь от воды и ругаясь, они мечутся в своих клетках. Наконец звери оставляют шланг в покое, но он лежит в таком положении, что струя прошивает клетки насквозь...

...Теперь уже все члены команды отчетливо видят грозную опасность. Скалы все ближе и ближе.

Они уже маячат перед самым носом «Евгения Онегина».

...Обломанные клыки скал торчат из кипящей воды, грохочет прибой, и, кажется, кораблю нет спасения.

Кок Филиппыч на крыше камбуза грустно снимает с шеи связку сосисок и швыряет вниз тиграм.

– Жрите, черти полосатые... Нам уже ни к чему.

Олег Петрович решительно перепрыгивает через барьер.

– Иду к штурвалу. Еще минута, и будет поздно.

Он берется за свисающий с мачты трос.

Марианне удалось отдраить иллюминатор своей каюты.

– Да здравствует свобода! – говорит она и протискивается наружу.

Внизу скачут волны. Маришка пробирается на палубу.

Олег Петрович застегнул верхнюю пуговицу кителя, ребром ладони проверил, правильно ли сидит фуражка, и затем оттолкнулся ногами от мачты.

Держась за трос, он пролетает над самой головой зазевавшегося тигра и оказывается на палубе. Надстройка скрывает его от нас.

Капитан в ужасе замуривается:

– Какой был человек...

И вдруг чей-то звонкий и веселый смех заставляет его снова открыть глаза.

У борта стоит Маришка. Ни о чем не подозревая, она смотрит на своего вращающегося дядю и неудержимо хохочет.

– Ты с ума сошла!!! – отчаянию кричит Василий Васильевич.

– Я?... А по-моему, ты.

– Спасайся! Приказываю! Как дядя! Как капитан! Беги!

И тут девушка видит выходящего из рубки огромного тигра. Вскрикнув, она закрывает лицо руками и опускается на палубу.

Но тигр не интересуется ею – он наметил своей жертвой Олега Петровича.

А старпом, схватив в руки багор, приготовился прорваться сквозь тигриную осаду к штурвалу.

И вот он смело бросается вперед. Тигр на мгновение опешил. Но на подмогу ему спешат еще два. Все вместе атакуют железного моряка.

Размахивая багром, тот идет в контратаку.

Удар лапы – багор сломан... тигр опрокидывает Олега Петровича... и, схватившись, они катятся по палубе.

Не понимая, почему она еще жива, Марианна открывает глаза. Перед ней страшное зрелище: Олег Петрович в лапах у тигра, а другие два зверя, рыча, следуют за ними, выжидая удобного момента, чтобы тоже схватить жертву.

– Назад! – кричит Марианна и, забыв обо всем на свете, бросается в гущу свалки. – Не троньте его!

Одного тигра она оттаскивает за хвост.

Сняв с ноги туфлю, хлещет им по морде другого – того, что держит в лапах старпома, и кричит:

– Не тронь Олега Петровича! Не смей! Не тронь Олега Петровича!

И тигр отпускает старпома.

Освобожденный железный моряк, остолбенев, смотрит на невиданное зрелище.

Тигры и не думают сопротивляться. Поджав хвосты, они пятятся от Марианны.

– Ничего не понимаю... – растерянно бормочет Олег Петрович.

– И не поймете никогда! – сверкнув на него глазами, кричит Марианна и топает на тигров ногой. – Брысь! Брысь отсюда!

– ...Коня на скаку остановит... в горящую избу войдет... – шепчет капитан, кружась на своем насесте.

...Олег Петрович бросается в рубку. Он с лихорадочной быстротой вращает штурвал.

Судно сильно качнуло. Кок Филиппыч чуть не слетел с крыши камбуза.

А «Онегин», в последний момент резко изменив курс, проходит на волосок от рифа.

– Спасены! – кричит капитан.

– Пронесло! – возвещает со своей шлюпбалки Самсонов.

– Мимо, – бормочет Сидоренко, сидя на якорной цепи, – только теперь нам все равно у тигра в пасти погибать...

Маришка гонит тигров по палубе.

– Брысь, черти! Я вам покажу, как на людей кидаться!

Один из тигров вдруг оборачивается и хватает зубами туфлю, которой размахивает Марианна. Девушка тянет туфлю к себе, зверь – к себе.

Выпустив туфлю, Марианна теряет равновесие и садится на палубу.

Циркулирующий вокруг мачты капитан от ужаса чуть не падает с антенны.

Но тигр не проявляет никакой кровожадности. Он подходит к Маришке и носом тычется в ее плечо. Девушка неуверенно поднимает руку, проводит по лоснящейся шерсти.

Тигр принимает это с видимым удовольствием. Тогда Марианна, осмелев, чешет его за ухом, как кошку.

– Кися, кисанька, – говорит она.

Подходит второй тигр и тоже требует своей доли внимания. Девушка встает. Опираясь на тигра, она надевает туфлю.

Вся команда при виде этого зрелища замирает от изумления.

...Тигры собираются вокруг Маришки, а она, осознав свою власть над ними, заводит со зверями игру.

– Садись, садись, полосатый... – заставляет она усесться перед собой самого большого и грозного зверя.

Тигр не сразу понимает, что Маришка хочет от него, и выжидательно смотрит ей в лицо.

– Ну садись же, на попку садись... – Маришка прижимает заднюю половину тигра к палубе, и тот садится.

– Теперь дай лапу!

Маришка присаживается и подбивает тигриную лапу кверху. Зверь поднимает лапу.

Остальные тигры расположились вокруг и наблюдают за тем, что Маришка делает с их коллегой.

Капитан наконец опомнился от изумления и шепотом кричит:

– Марианна... сейчас же перестань... слышишь... загоняй их в клетки...

– Нет, дядя... вы только посмотрите, как они меня понимают...

И Маришка продолжает свою опасную игру. Она заставляет тигра «служить», садится на него верхом и делает круг по пустынной палубе. А остальные звери в это время идут за ней, как свита.

– Марианна Андреевна, – шепчет механик, высунув голову из люка, – ради бога... не играйте с огнем, загоняйте скотину в клетки... пока они не опомнились...

– Ну нет... – весело отвечает Маришка, – теперь вы все у меня арестованные, а я над вами посмеюсь...

И Маришка поднимает огромного тигра на задние лапы, потом укладывает на палубе и сама ложится на него, поглаживая рукой по морде. Она счастливо смеется. Тигры собираются вокруг нее, лижут ей руки.

– Олег Петрович... у меня разорвется сердце... Марианна, я умоляю тебя, слышишь, я умоляю, загони их в клетки...

– Ну ладно, – отвечает Маришка, – только для вас, товарищ капитан...

Ухватив двух тигров за шиворот, Маришка тянет их за собой.

– Ну хватит... Поиграли – теперь домой...

Марианна загоняет тигров в клетки. Она радостно возбуждена, и ей хочется снова и снова проверить свою власть над полосатыми мятежниками. Она командует тигру: «Входи!» – подталкивает его, и тигр входит в клетку. Тогда Марианна тянет его обратно: «Выходи!» – И тигр опасно выходит.

– Ты чего там выкозюливаешь? – кричит со шлюпбалки обеспокоенный Самсонов.

Но Марианна никого не слышит.

– Входи! – снова приказывает она. – Теперь сиди, жди обеда!

Задвинув засовы, она переводит дух и только теперь замечает в стоящих особняком клетках боцмана и Шулейкина.

Спасаясь от неиссякаемого шланга, они оба вскарабкались по прутьям под самый потолок клетки и висят там, как гориллы в зоопарке.

Марианна закрывает вентиль. Вода перестает бить по клеткам. И тогда становятся слышны вопли Моти, который все еще болтается за бортом:

– Прощайте, товарищи!.. Прощайте! Сейчас он лопнет!

Мотя прав: тигр дожевывает последние пряди троса.

– Пошел! Пошел отсюда, тряпичник! – кричит Марианна, отгоняя его. – Ну что ты жуешь всякую пакость?.. Глупый какой!

Она начинает вытаскивать из-за борта трос с Мотей. Но Мотя-то не знает, кто подтягивает его к иллюминатору! Он убежден, что это делает тигр.

– Прощайте, товарищи, тянет он меня к себе в пасть!

Оказавшись на уровне борта, Мотя вдруг видит прямо перед собой не тигриную пасть, а раскрасневшееся лицо Марианны. Именно теперь, когда опасность позади, он от изумления срывается вниз.

Маришка кидает ему спасательный круг.

– Мотенька! Мотенька! Держись, пожалуйста! – умоляет девушка.

Барахтаясь в воде, Мотя надевает на себя спасательный круг.

Капитан кричит со своей карусели:

– Марианна! Тут еще один лежит. Я не могу спуститься с мостика.
Марианна пинает ногой развалившегося у мостика тигра.
– Чего ты тут разлежся? Как дам сейчас!..
– Почему они тебя не трогают? – обалдело спрашивает капитан.
– А я откуда знаю? Сама ничего не понимаю... – Девушка снова тормозит тигра: – Слышишь, ты, красноносый! Не боюсь я вас больше ни чуточки. Марш домой!
Недовольно урча, тигр отходит от мостика.

Еще два тигра и один лев загнаны в клетки. Марианна старательно задвигает засовы.
– Марианна! – кричит ей с мостика капитан. – Беги скорей, отдай якорь!
– Кому? – удивленно спрашивает девушка.
Капитан только рукой махнул.
– Есть отдать якорь! – орет осмелевший теперь боцман.
Отперев свою клетку, он бежит на полубак к якорному устройству.
Сидоренко все еще сидит верхом на лапе якоря. Загремела цепь – якорь пошел в воду.
Этой беды матрос не ждал.

Он с кошачьей быстротой и проворством лезет вверх по якорной цепи. Цепь летит в воду все быстрее и быстрее, и все быстрее мчится по ней вверх матрос. У него даже нет времени закричать.

Больше он карабкаться не в силах. Обхватывая цепь ногами и руками, Сидоренко покорно опускается в воду. Цепь останавливается в тот момент, когда над водой торчит только голова матроса. Кончилась вся цепь, как говорят моряки, «вытравилась до жвако-галса».

Глаза Сидоренко выпучены, рот открыт.
– Вот это точность... – произносит он с удивлением.

А Марианна уже заталкивает в клетку последнего тигра.
Щеки ее пылают, глаза блестят.
– Давай, давай! Зверюга!
Заперев клетку, она в изнеможении прислоняется к прутьям.
Перед клетками толпится вся команда.
– Один, два, три... – считает хозяйственный боцман, тыча пальцем в клетки с притихшими зверями.
– Как? Все на местах?
– Вроде все, – отвечает боцман.
Капитан заметил, что Марианна стоит с закрытыми глазами, опустив руки и тяжело дыша.
– Что с тобой, Маришенька? – испуганно спрашивает Василий Васильевич.
– Дядя... – произносит Марианна с трудом. – Все-таки и я на что-то пригодилась... Правда?

И вдруг, качнувшись, она падает.
Подоспевший Олег Петрович подхватывает ее на руки.
– Это ничего... Это от волнения... – успокаивает он капитана.
Осторожно ступая, старпом несет девушку в ее каюту.

– Одиннадцать... Двенадцать! – заканчивает считать боцман. – Все.
– Извиняюсь, – доносится из последней клетки. – Вы меня присчитали. – Это напомнил о себе Шулейкин.
Боцман свирепеет.
– А ты будешь у меня до самой Одессы сидеть! Аферист!

Кныш разглядывает так называемого «укротителя». Мокрый, взъерошенный, весь в соломе, Шулейкин сам похож на дикого зверя.

– Что же, и сдавать его будешь за льва? – спрашивает Кныш у боцмана. – В этой клетке лев сидел. Где он есть?

– Лев?! Лев в медпункте! – доносится крик.

– Вот дела! – говорит Филиппыч. – И Маришки как на грех нету...

Перед медпунктом собрались моряки, вооруженные веревками и огнетушителями.

Дверь медпункта подперта колом. Изнутри несутся непонятные звуки.

Капитан с ракетницей в руках командует:

– Раз, два, три – открывай!

Моряки вышибают кол, распахивают дверь и отскакивают в стороны. Однако все меры предосторожности оказались излишними.

Лев крепко спит посреди медпункта. От его могучего храпа дверь то закрывается, то приоткрывается. Перед носом зверя лежит этикетка от коробочки с люминалом.

– Снотворного наелся! – догадывается Филиппыч. – И окосел, бедолага.

– Тш! Тише! Разбудишь на нашу голову! – шипит Кныш.

– Готовь трос! – командует капитан вполголоса и кладет ракетницу в карман.

С мачты спускается шимпанзе. Оглядев пустую палубу, обезьяна идет на звук голосов.

Она видит, как тащат из медпункта опутанного тросами льва. Похрапывая, тот возлежит на руках моряков. Мотя несет только львиный хвост, положив его на плечо. То и дело слышится:

– Тсс!.. Тсс!

Все делают друг другу знаки молчать.

Позади процессии вышагивает шимпанзе. На него никто не обращает внимания – все заняты делом. Пользуясь этим, шимпанзе вытягивает из кармана Василия Васильевича ракетницу.

Капитан обернулся и застыл от ужаса: обезьяна собирается палить.

– Не смей! – страшным шепотом сипит Кныш.

Он бросается к обезьяне. И в тот же момент грохает выстрел. Красная ракета взлетает над головами моряков.

Мгновение – и никого на палубе нет.

Перепуганная не меньше других, обезьяна вопит, сидя на самой макушке самой высокой мачты.

Царь зверей продолжает похрапывать как ни в чем не бывало. Ему снится Африка. Ему снятся львицы...

Моряки собираются снова и поднимают с палубы своего спящего пленника. Шествие продолжается.

– Тсс... Тсс...

Шулейкин из своей клетки с беспокойством следит за приближением льва.

– Тут занято! Занято здесь! – в испуге выкликает «эксукротитель».

Боцман прижимает толстый палец к губам:

– Тсс!

Открывает клетку.

Шулейкин в ужасе. Он стоит на коленях, готовый к страшной смерти.

– Ладно уж, выходи... укротитель!..

Льва водворяют в клетку.

– Поднять якорь, – командует капитан.

Матроса Сидоренко, только-только устроившегося с грехом пополам на якорной цепи, вдруг подбрасывает – цепь пошла кверху.

Теперь матрос проделывает свое акробатическое упражнение в обратном порядке: по мере того как цепь поднимается, он, быстро перебирая ногами и руками, сползает вниз, чтобы не попасть вместе с цепью в клюз. Грохочет лебедка.

Но вот из воды появился якорь, поддел матроса и поднял к самому клюзу.

...За этим номером внимательно следит, свесившись через борт, шимпанзе. Видимо, приняв матроса за своего, обезьяна протягивает ему сверху волосатую лапу, и, схватившись за нее, Сидоренко наконец возвращается на палубу.

В каюте Марианны Олег Петрович. Девушка до сих пор не пришла в себя. Железный моряк робко гладит свесившуюся с койки маленькую руку.

Внезапно Маришка открывает глаза.

– Зачем вы пришли? – спрашивает она враждебно.

– Пришел извиниться перед вами... – смущенно и виновато говорит старпом. – Вы... вы удивительная девушка... Я даже не знал, что такие бывают. И, пожалуйста, забудьте все, что я вам говорил раньше...

– Никогда! Никогда! Ни за что!.. – Марианна начинает всхлипывать. – И не воображайте, что сегодня, с тиграми... что я это из-за вас. Вот съели бы они вас, я бы и не заплакала, – говорит она, глотая слезы.

– Марианна, послушайте...

– Не желаю я вас слушать... И видеть вас не хочу!..

Старпом встает, берет фуражку.

– Простите, – говорит он и идет к двери.

– Ай! – раздается за его спиной отчаянный крик.

Старпом в испуге оборачивается.

Девушка вскочила на койку, прижавшись к стене, – точь-в-точь княжна Тараканова. А на подушке сидит вечный Маришкин преследователь – серый мышонок.

– Я боюсь! Чего он ко мне лезет!..

Олег Петрович бросается на помощь Марианне и, как сачком, накрывает мышонка фуражкой. Затем засовывает под фуражку руку и вынимает оттуда страшного зверя.

– Кыш! Кыш... – кричит Марианна. – Убирайтесь оба отсюда.

– Прощайте, – говорит Олег Петрович и выходит из каюты.

Железный моряк заходит к себе. Аккуратно закрывает дверь. Аккуратно вешает на место фуражку. И вдруг – первый раз в жизни – плюхается в одежде на свою идеально застеленную койку. Дрыгнув ногами, он скидывает ботинки: они летят к потолку.

– Все равно жизнь пропала... – бормочет он.

«Евгений Онегин» на всех парах несется домой.

К Василию Васильевичу подходит второй штурман. В его кителе на спине большая жженая дыра. Стоящий на руле Мотя тянет носом и докладывает:

– Товарищ капитан, пахнет жареным!

– Пустяки, это от меня... – говорит штурман. – Срочная радиограмма, Василий Васильевич...

Капитан расплывается в улыбке:

– Пойду, обрадую Олега Петровича. Он это давно заслужил...

Олег Петрович нервно ходит по своей каюте вперед, назад. А за ним, шаг в шаг, повторяя каждое его движение, ходит шимпанзе.

– Итак, все кончено, все погибло... – говорит старпом и берет руками за голову.
Точь-в-точь то же делает за его спиной обезьяна.

– Понимаешь, макака, – продолжает старпом, – жизнь кончена. Нет, ты скажи, откуда мне было знать, что я ее люблю, когда я был уверен, что я ее ненавижу? И вот теперь пропал, погиб, уничтожен...

Старпом разводит руками, то же самое делает обезьяна.

– Ей что я, что ты... ты, пожалуй, даже лучше... А я ведь без нее жить не могу...

Раздается стук в дверь – три удара.

– Открывай, – говорит старпом, – теперь все равно...

Обезьяна отодвигает засов.

Входит капитан.

– Так вот она, оказывается, где базируется! – восклицает капитан. – Не ожидал от вас, Олег Петрович... обмануть меня, сказать, что утопили... Нет, уважаемый, позвольте, что с вами?.. Олег Петрович... что случилось?..

Старпом только махнул рукой. И вслед за ним махнула рукой обезьяна.

Старпом садится на койку, отворачивается от капитана к стене.

– Олег Петрович... дорогой... я снимаю все упреки, не огорчайтесь, скажите, что с вами?.. Чем вам помочь?..

Но старпом только горестно вздыхает.

– Дорогой мой, я пришел вас обрадовать. Вот радиграмма для вас... Вы восстановлены с почетом, слушайте: «Немедленно по прибытии выехать Владивосток должность капитана теплохода «Дружба»... Поздравляю, дорогой мой, вы снова капитан, и жизнь прекрасна!

– Вот именно, – мрачно отвечает старпом, – жизнь прекрасна.

Он комкает бланк и бросает на пол. Обезьяна мгновенно подбирает бумагу и отправляет ее себе в рот.

Мотя и Сидоренко влетают в каюту к Марианне.

– Маришка! Хорошие новости!

– Ну? – спрашивает Марианна без интереса.

– Олег Петрович наконец уходит! Капитаном на «Друмбу»!

– И ему хорошо, и тебе хорошо. Некому тебя будет пилить...

– «Уходит»... – повторила Марианна. – Ну и пусть уходит!.. – И заплакала.

Мотя и Сидоренко выходят из каюты, деликатно притворив дверь.

– Ты понял?! – спрашивает умный Сидоренко.

Мотя понял.

«Евгений Онегин» у причала Одесского порта. Трюмы судна вскрыты. Визжат, и скрипят, и гудят блоки порталных кранов. Возятся возле трюмов грузчики. Сетки с грузом поднимаются над «Онегиным».

От носа к корме по палубам медленно идут капитан и старпом. Железный моряк прощается с судном. Он идет, похлопывая рукой в перчатке по фальшборту.

– Да-да, Олег Петрович, я вас понимаю, – говорит капитан. – Всегда оставляешь кусочек самого себя, когда уходишь с судна... Зато вы избавитесь от неприятностей, которые вам доставляла моя племянница. Я должен перед вами за нее извиниться... Словом, желаю удачи, как говорится, не меньше трех футов вам под киль...

– А где Марианна Андреевна?

– Купается. Со своими этими... А что я могу поделать?.. Она же теперь на «Евгении Онегине» главный человек!.. Как странно, что понадобились дикие звери и весь этот кош-

мар, чтобы девочка наконец нашла свое призвание... Вот вам и Песталоцци!.. Да она сейчас явится...

Марианна купается в море в обществе трех тигров. Вокруг тигриных шей обвязаны веревки, концы веревок в руке у Маришки.

Матрос Кцыш, свесившись через борт, кричит ей:

– Мариш! Ты что, прощаться не будешь?

– Что?

– Олег Петрович уезжает.

– Уже? – От неожиданности девушка выпускает «вожжи».

Тигры, словно этого и ждали, быстро поплыли к берегу.

– Ты чего свою скотину распустила? – неодобрительно говорит Кныш.

Делать нечего. Маришке приходится плыть за тиграми. Но догнать их не так-то просто.

– Эй! Вы! Подождите... Что же вы со мной делаете! – жалобно кричит девушка.

Олег Петрович прощается с командой. Мужчины прощаются по-мужски, дружески, сурово похлопывая друг друга по спине, крепко пожимая руку. Однако чувствуется, что все растроганы.

– Жизнь еще большая. Встретишься, – говорит капитан, отворачиваясь и сморкаясь в большой клетчатый носовой платок.

– Не забывайте «Онегина», Олег Петрович... – говорит Мотя, – и его личный состав...

– Да... личный состав я не забуду, – отвечает старпом, – а между прочим, тут кое-кого из личного состава не хватает...

– Совершенно верно, – подхватывает капитан, – вот наш укротитель диких зверей...

Старпом быстро оборачивается. Но вместо того, кого он ожидал увидеть, перед ним Шулейкин.

Он в белом халате, под навесом буфетной стойки нарезает большим ножом тончайшие колесики колбасы.

– Да я теперь, собственно, уже не укротитель, а буфетчик, вместо Марианны Андреевны. Кок поднимает и показывает окружающим кусок отрезанной Шулейкиным колбасы.

– Маэстро!.. Вот что значит талант.

Старпом медлит, оглядывается.

Многолюдный и многоцветный пляж.

Спортивного вида молодой человек, приподнявшись на песочке, смотрит в море.

– Красиво плывут!.. – говорит он своей соседке.

– Кто?

– Вон те трое... в полосатых купальниках.

И вдруг видит: к берегу подплывают три огромных тигра.

Мгновение – и густонаселенный пляж опустел. Как будто с берега улетел пестрый ковер-самолет... Заклубились вдали лиловые, зеленые, голубые халаты, зонтики, купальники.

Остался на месте только розовый толстяк. Он крепко спит, прикрыв лицо газетой... Ритмично поднимается и опускается газета.

Тигры, отряхиваясь, выходят из воды на песочек.

За каждым из них волочится веревка от ошейника.

Перед ними песчаная пустыня, усеянная лифчиками, брюками, резиновыми ластами и перевернутыми шезлонгами.

В стороне лежит упавшая на бок тележка мороженщицы и рядом куча вывалившегося эскимо.

Один из тигров заинтересовался этой продукцией и слизывает ее. Другой довольствуется лапами. А третий обнюхивает спящего толстяка, с интересом наблюдая за тем, как поднимается и опускается от его храпа «Черноморская вечерняя газета».

Усы тигра щекочат толстяка.

– Вава, это ты?..

Он снимает с лица газету. Прямо перед ним огромная морда полосатого тигра. Толстяк не вызывает абсолютно никакого удивления.

– Вечно ты мне снишься в каком-нибудь экзотическом виде, Вавочка... – говорит он и снова закрывается газетой.

Тигр раскрывает пасть, собираясь съесть толстяка, но в это мгновение подоспевшая к месту происшествия Марианна хватает веревку и оттягивает его в сторону.

А толстяк продолжает сладко спать, поднимая и опуская своим храпом «Черноморскую вечернюю газету».

Марианна тащит тигров за веревки к воде.

– Теперь я из-за вас опоздаю... И он уйдет навсегда, и я его больше никогда, никогда не увижу...

Тигры вместе с Маришкой входят в воду.

Вдали на берегу заливаются милицейские свистки.

Олег Петрович выходит из своей каюты с чемоданом в правой руке. Левой рукой он держит за лапу своего приятеля – шимпанзе. Обезьяна одета по-дорожному – в тельняшку и штаны. На голове у нее морская фуражка. В свободной руке она держит второй чемодан старпома.

Команда стоит на палубе.

Олег Петрович все еще ждет чего-то. Неловкая пауза.

– Кажется, я ничего не забыл...

– Как будто ничего, – заглянув в его каюту, говорит Мотя.

Бывший старпом еще раз оглядывается на дверь Маришкиной каюты. Больше тянуть нельзя, и он начинает спускаться по трапу...

– Олег Петрович, – понимая его, говорит капитан. – А то посидим еще, чайку попьем?

– Да нет, видно, пора. Спасибо. Пошли, макака.

Старпом с обезьяной удаляются. Машут им вслед моряки.

Марианна, тяжело дыша, поднимается на борт. Придерживая тигров, она глазами спрашивает у Кныша: где?

– Ушел, – коротко отвечает тот, – опоздала.

От проходной видна вся панорама Одесского порта – молы, причалы, суда, заросли портальных кранов. А за ними – полоска моря. Олег Петрович останавливается – в последний раз смотрит вниз на оставленное судно. И выходит за ворота. Обезьяна несет за ним чемоданы.

Мокрые тигры отряхиваются в клетках.

Марианна подбегает к борту, всматривается – поздно! Поздно! Олега Петровича уже давно нет.

К девушке подходит капитан, обнимает ее за плечи.

– Ну что ты, Маришенька? Встретитесь. Уверен, что еще встретитесь, и все у вас будет хорошо...

– Нет, дядя. Чудес не бывает. Кончено, кончено...

И, упав грудью на перила, Маришка горько зарыдала.

Капитан, вздохнув, отходит.

Цирковой буфет.

– Да, – заканчивает свой рассказ Шулейкин, – так она стояла и рыдала, и у всей команды были слезы на глазах, сам видел – вот такие слезы, хотите верьте, хотите не верьте...

– Какой печальный рассказ, – задумчиво говорит мороженщица. – Хорошо хоть, что Марианна нашла свое призвание. Ведь она стала укротительницей тигров?

– Нет, – отвечает Шулейкин, – она не стала укротительницей. И все-таки нашла тогда свое призвание...

По фойе проходит капитан «Евгения Онегина». Он останавливается возле Шулейкина.

– Здравствуйте, Василий Васильевич, – говорит буфетчик. – Пришли прямо к номеру?

– Прямо к номеру, – отвечает, взглянув на часы, капитан. – А ты тут, я вижу, травишь, как всегда...

– Что вы, товарищ капитан, я девушке чистую правду рассказываю. Очень даже самокритично в отношении своей роли...

– Ну-ну, давай трави дальше, – добродушно говорит капитан. – А вы, девушка, слушать слушайте его, но насчет достоверности... – И капитан уходит.

– А я его узнала по вашему рассказу, хоть он, наверное, немножко постарел, – говорит мороженщица. – Сколько лет прошло с тех пор?

– Пять лет, – отвечает Шулейкин, – пять лет как одна копейка... И я до сих пор помню, как любовь дала Маришке силы броситься на тигров...

– Неужели такая любовь ничем не кончилась?.. Как это грустно... – говорит мороженщица. – Я бы его непременно нашла...

С арены доносится торжественный выходной марш.

Шулейкин выскакивает из-за стойки. Торопливо перевернув коробку конфет, на тыльной стороне которой заготовлена надпись: «Ушел на базу», – он бежит к двери, ведущей в зрительный зал. Девушка следует за ним.

На арене установлены решетки для номера с тиграми.

...В первом ряду восседают семь моряков. Тут же капитан, боцман, Мотя, Сидоренко, Кныш, кок Филиппыч и что-то жующий механик.

– А вон там, гляди... – шепчет Шулейкин. – Видишь?.. Сидят как два голубочка.

Расширившимися от любопытства глазами девушка оглядывает ряды.

– Правей, правей, – шепчет Шулейкин.

В первом ряду сидят Марианна и Олег Петрович.

– Понятно? – шепчет Шулейкин.

– Понятно... – восторженно глядя на них, шепчет мороженщица, – все понятно...

Выходной марш отгремел, но укротитель не выходит. Вместо него на манеже появляется смущенный шпехштаймейстер.

– Уважаемые товарищи! Маленькая задержка! Прошу извинения!.. Здесь присутствует доктор Скворцова?

Легкий шум проходит по рядам. Марианна поднимается со своего места.

– Не откажите пройти со мной, – просит шпех, улыбаясь. – Заболел артист...

Конюшня цирка наполнена тигриным ревом. Большой тигр, сидя посреди клетки, открывает пасть, машет в воздухе лапой и недовольно мотает головой.

Укротитель – солидный мужчина в роговых очках, малиновой косоворотке и сафьяновых сапожках – бросается к вошедшей Марианне.

– Марианна Андреевна, дорогой наш звериный доктор... на вас вся надежда.
Надев халат, Марианна входит в клетку. И тигр сразу успокаивается.

– Ну что ты, глупенький? – журит его Марианна. – Подумаешь, зубки болят. Сейчас все пройдет!..

Тигр разевает огромную пасть. Марианна наполовину скрывается в ней со своими инструментами. Зверь мычит, но терпит операцию.

Окружающие, затаив дыхание, следят за тем, что происходит в клетке.

– Все! Вот какая была занозина!

Марианна появляется из тигриной пасти и показывает зверю нечто зажатое пинцетом.

– Косточкой занозил... Ничего, до свадьбы заживет!..

Она ласково треплет тигра за ухо, а он лижет ее руку.

Оркестр снова играет выходной марш. Марианна пробирается к своему месту. Зрители равнодушно дают ей проход.

И только продавщица мороженого не может отвести восторженного и чуть завистливого взгляда от маленькой храброй женщины.

– А я тоже кем-нибудь буду, – вдруг говорит продавщица. – Вот возьму и пойду осенью в техникум. Честное слово!

Укротитель уже без очков, но с шамбарьером шествует во главе своей труппы.

Пылают в проходе огненные обручи. Звери по очереди прыгают сквозь пламя и оказываются на манеже.

Завидев Марианну, все они, как по команде, поворачиваются мордами в ее сторону и приветственно режут.

Капитан Василий Васильевич привычным и обреченным жестом затыкает уши.

Марианна и Олег Петрович, улыбаясь, смотрят друг на друга...

Гремит марш. Слышится рев тигров.

Возвращение броненосца

Случилось это весной не то в одна тысяча девятьсот двадцать четвертом, не то двадцать пятом году.

Заведующий одесским Посредрабисом сбежал. Не пришел на работу ни утром, ни днем.

К вечеру секретарь – он же и единственный, кроме заведующего, сотрудник этого учреждения – отправился к нему домой.

Там он узнал о бегстве товарища Гуза, о том, что тот сел накануне в поезд и укатил в Ленинград.

Отдел труда и правление союза работников искусств, которым подчинялся Посредрабис, назначили срочную ревизию.

Комиссия, созданная для этого, однако же, с недоумением обнаружила, что все финансовые дела в полном порядке. Составили об этом акт.

Гадать о причинах бегства Гуза, собственно, не было нужды – они были ясны.

У Бориса Гуза – маленького, круглого человечка – был тенор. При помощи этого тенора он издавал звуки оглушающей силы и сверхъестественной продолжительности.

Фермато Гуза могли выдерживать только одесские любители пения. Они вжимали головы в плечи, их барабанные перепонки трепетали последним трепетом, вот-вот готовые лопнуть, – но одесситы при этом счастливо улыбались – вот это таки голос!

Гуз несколько раз обращался к начальству с просьбой освободить его, так как здесь, в Одессе, он уже «доучился», а в Ленинграде хотел совершенствоваться у – не помню какого – знаменитого профессора бельканто.

Но в обоих почтенных учреждениях к артистическим планам Гуза относились несерьезно: да, голос, да, верно... Но голос какой-то «дурацкой силы». Есть слух, это правда, но ведь никакой музыкальности...

В общем, пророк в своем отечестве признан не был. А в Ленинграде он вскоре стал известным оперным певцом.

Я слушал его однажды в «Кармен». Гуз был в то время уже премьером оперного театра и пел партию Хозе.

Он вышел на сцену – маленький, круглый, с короткими ножками и ручками, в курточке с золотыми позументами, толстенные ляжечки обтянуты белыми рейтузами... сверкающие сапоги на высоком – почти дамском – каблуке.

И запел...

Это было невыносимо.

Меня поражало отношение к Гузу ленинградских музыкантов: как они могли его терпеть?

Бесчисленные хвалебные рецензии, огромные буквы его имени на афишах – все говорило о колоссальном успехе, о признании.

Видимо, и здесь настолько высоко ценился голос, сила и чистота звука, что все остальное ему прощали – и отсутствие артистизма и вкуса, и смешную внешность, и одесский, – о какой одесский! – акцент.

В память Одессы я терпеливо прослушал целый акт, глядя на то, как коротенький дон Хозе пылко изъяснялся в любви крупногабаритной Кармен, делая традиционные оперные движения, не имеющие ровно никакой связи с содержанием арии. Он то разводил руками, то протягивал одну из них вперед, в публику, куда и обращал тексты, предназначенные стоявшей в стороне любимой.

Она же переживала арию Хозе, тоскливо упершись в талию кулаками, и по временам пошевеливала бедрами, приводя тем в движение свои многослойные яркие юбки.

Но вот Гуз брал с легкостью верхнее до и держал его так долго, что казалось, в конце этого фермато певец обязательно упадет замертво.

Но Хозе не падал, а все тянул оглушительный звук, и публика (ленинградская публика!) неистово аплодировала и кричала «бис!».

Я угрюмо наблюдал это, понимая, что молодость прошла, ибо раньше со мной тут обязательно случился бы припадок истерического смеха.

Теперь мне все это казалось только грустным.

Новый заведующий Посредрабисом появился в Одессе неожиданно.

В тот день, как всегда в шесть пятнадцать вечера, в Одессу прибыл петроградский поезд.

Из первого вагона вышел на перрон очень высокий, худой человек с кавалерийской шинелью на одной руке и потрепанным фибровым чемоданом в другой.

На Андриане Григорьевиче Сажине был френч с обшитыми защитной материей пуговицами, галифе, сапоги.

Сажин поправил очки на носу, огляделся и увидел белогвардейского офицера.

Их было тут много, белых офицеров, – один свирепее другого, и пассажиры испуганно смотрели на них.

Но вот, усиленная рупором, раздалась команда режиссера: «Белогвардейцы налево, чекисты направо! Шумский, приготовились!...»

Пассажиры успокоенно заулыбались. Часть перрона – место съемки – была отгорожена веревкой. В стороне – для порядка – стоял милиционер. Светили юпитеры.

– Внимание! – кричал режиссер. – Шумский, бросайтесь на студентку! Стоп! Разве так каратель бросается на революционерку! Как зверь бросайтесь! Внимание! Начали! Стоп! Послушайте, курсистка, вы же абсолютно не переживаете! Он вас сейчас убьет или изнасилует, а вы ни черта не переживаете! Внимание! Начали... зверское лицо дайте... так... Хватает ее... Курсистка, переживайте сильнее... так... душит... хорошо... очень хорошо... падайте же... так... стоп!

По вокзальной площади растекались приехавшие.

Сажин обратился к старику, стоявшему задумавшись у фонарного столба:

– Простите, вы здешний? Не объясните, как пройти к окружному партии?

– Молодой человек, – ответил старик, – хотя вы нанесли мне тяжелое оскорбление, дорогу я вам покажу.

– Оскорбление? – удивился Сажин.

– Спросить у вечного одессита, или он «здешний»... Я такой же кусок Одессы, как городской оперный театр... «здешний»... Ну хорошо, идем, я как раз в ту сторону...

Они пересекли площадь и пошли по зеленой Пушкинской улице. Сажин по временам кашлял, закрывая рот платком.

Старик говорил не умолкая – давал на ходу объяснения, рассказывал историю то одного, то другого дома.

– ...А вот, если пойти по Розе Люксембург, вы выйдете на Соборную площадь, и там стоит дом Попудовой, в котором умерла Вера Холодная. Буквально весь город шел за гробом... Послушайте, у вас там, часом, не гири? – спросил он, видя, с каким трудом несет Сажин свой чемодан.

– Книги... – ответил Сажин.

– Гм... книги... смотря какие – бывают такие, что даже гири умнее...

– Нет, у меня хорошие книги, – усмехнулся Сажин.

– ...А вот там гостиница «Бристоль». А рядом бар Гольдштейна. Это единственный нэпман, которого никто не смеет пальцем тронуть. Фининспектор обходит по другой стороне улицы. Гольдштейн когда-то спрятал Котовского от полиции, и тот дал ему после революции

грамоту: «Гольдштейна не трогать». Ну, вот вы пришли в окружном. До свиданья и вытряхните из ушей все, что я вам говорил.

Старик повернулся, пошел. Но вдруг остановился, возвратился к стоявшему перед окружном Сажину и сказал:

– У меня десять дней назад умерла жена. Всю жизнь прожили... – и ушел.

Сажин смотрел ему вслед – старик возвращался в сторону вокзала. Видимо, ему и не надо было сюда приходить.

Несмотря на то что рабочий день давно кончился, в коридорах толпились посетители. В конференц-зале шло заседание.

На стене кабинета товарища Глушко висел плакат: «Из России нэповской будет Россия социалистическая». Глушко знакомился с документами сидевшего против него Сажина.

До революции Сажин был учителем русского языка в петроградской гимназии.

Интеллигент в первом поколении, сын бедняка-крестьянина, Сажин сам пробил свою дорогу в жизни.

Реакционные умонастроения и монархические взгляды некоторых коллег-учителей оказали большое влияние на Сажина – влияние отталкивающее.

Он долго приглядывался к различным партиям, знакомился с их программами, читал Бакунина, Маркса, Бердяева, Ницше и в апреле 1917 года принял окончательное решение – вступил в партию большевиков – РСДРП(б).

Было ему тогда 25 лет.

Учение Маркса он продолжал изучать, и оно представлялось ему не только неоспоримо верным, но и единственно возможным.

Вскоре Сажин бросил педагогику и стал активистом, партийным работником Выборгского райкома в Петрограде. Накануне Октябрьских дней и в дни восстания он выполнял бесчисленные мелкие поручения, после Октября выступал на митингах, читал лекции.

Его контакту с аудиторией несколько мешала близорукость, ибо, выступая, он снимал свои очки – минус одиннадцать, – и все становилось расплывчатым, он видел только какие-то неясные очертания, светлые и темные нятна.

А оратору ведь необходимо различать лица слушателей, а то и выбрать кого-нибудь среди них, чтобы обращаться как бы лично к нему.

Очки же, по странному убеждению Сажина, были чем-то вроде признака человека чуждой среды и могли помешать его общению с рабочей и солдатской аудиторией.

Гражданскую войну Сажин провоевал в Первой Конной.

Близорукость и очки с толстыми стеклами не мешали военному эскадрона Сажину стать отличным всадником, лихо носиться на коне, владеть шашкой, храбро биться с врагами и заработать две сабельные раны и пулю в сантиметре от сердца.

Закончилась война.

Демобилизованный после лазаретов по чистой, Сажин был направлен на работу в отдел народного образования.

А еще через год, по настоятельному совету врачебной комиссии, которая нашла у него серьезный неполадок в легких, Сажин переехал на юг.

– Послушай, товарищ Сажин, я вижу, последние годы тебя все по госпиталям таскали... – сказал Глушко, рассматривая документы.

– Легкие подводят. Проклял я эти госпитали. От жизни отстал.

– Мне про тебя писал Алексей Степанович, про то, что медики велели обязательно на юг... Подумаем, что можно для тебя сделать...

Раздался стук в дверь. «Входи!» – крикнул Глушко, и в комнату вошел низкорослый человек в матросском суконном бушлате. Вид у матроса был устрашающий – выдвинутые вперед

железные скулы и стальной подбородок, глубоко сидящие глаза и нависшие над ними густые, кустистые брови. Однако, при всем этом грозном обличье, матрос был, видимо, чем-то смущен.

– А... пожаловал наконец сам товарищ Кочура, – саркастически приветствовал его Глушко. – Ну, спасибо, что забежал... мы и так и этак вызываем тебя – пропал куда-то директор. Фабрика есть, дым идет, а директора нету. Затерялся. Ну, ну... присаживайся, расскажи, как ты там с мировой буржуазией объяснялся?.. Да не стесняйся. Это наш человек – Сажин – бывайте знакомы... Ну, давай, Павло, по порядку...

Глушко поворошил свою черную, пружинящую шевелюру, облокотился о стол и приготовился слушать. Приоткрылась дверь, в кабинет заглянул Беспощадный.

– Что у тебя? – спросил Глушко. – Зайди.

Беспощадный подошел к столу.

– Прочти, товарищ Глушко, – это акт ревизии. Ничего там в Посредрабисе не случилось. Он петь, понимаешь, поехал учиться.

– Спасибо. Можешь идти. Ну, так как было дело, Павло? – обратился Глушко к матросу. Матрос потянул носом воздух, вздохнул.

– Был, конечно, разговор, товарищ Глушко, – сказал он. – Откуда мне было знать, кто он такой?..

– Нет, ты давай по порядку...

– Ну, взяли мне в ВСНХ обратный билет. Оказалось, в международный вагон, двухместный купе, будь он неладен... Сел. Входит еще пассажир. Человек как человек. Поехали. Разговорились. Я, конечно, достал бутылку. Хорошо-ладно, говорим про то, про се. Он по-русски как мы с тобой, холера бы его взяла... Ну, зашел разговор про нэп.

Вот он спрашивает – как вы, товарищ, думаете... Заметь, он меня товарищем, гад, называл... Как вы, товарищ, думаете, вот концессии берут в России иностранцы – это как, надолго?

– А ты ему? – спросил Глушко.

– А я ему говорю – по-моему, ни хрена не надолго. Пусть они только построят нам заводы, идиёты иностранные, мы им сейчас же по шее...

– Ты, кажется, не про шею ему сказал? И насчет «ни хрена» тоже как-то иначе выразился?

– Откуда ж мне было знать, кто он? С виду человек. И я же только сказал, что сам лично так думаю...

– Это он с господином Пуанкаре разговаривал, – повернулся к Сажину Глушко, – с крупнейшим капиталистом, который только что подписал выгодный для нас договор на концессию... Между прочим, это сын бывшего французского президента...

– ...Так по-русски же чешет...

– Чешет, чешет... он на русской женат. Ну, услышал господин Пуанкаре такие речи от нашего Павла да узнал, что он директор большой фабрики, большевик – уж он-то должен знать, какие планы у красных... И только доехали они до Одессы, француз обратным поездом в Москву и расторг договор.

Наступила пауза.

Матрос тяжело вздыхал.

– Эх ты, умник! Выдвинули тебя директором такой фабрики... Видимо, надо было тебя в Наркоминдел выдвигать... Ты же прирожденный дипломат... Ладно, поднимись к товарищу Косячному. Он тебя давно ждет.

Глушко подошел к двери, прикрыл ее плотнее и вернулся к Сажину. Сел рядом.

– ...Ах, черт, нэп, нэп... Все бы хорошо, да начинает, замечаю, кое-кто из наших, из рабочего брата, сбиваться... Черт бы их побрал... Ну ладно, Сажин, давай-ка займемся твоим устройством... – Глушко обошел стол и взялся было за телефонную трубку. Но взгляд его упал на акт ревизии, принесенный Беспощадным, и он, положив трубку на место, сказал: – Да, так

вот же освободилось как раз одно место... И между прочим, там нужен подкованный человек – нужен заведующий Посредрабисом.

– Чего? Посред...

– Посредрабисом. Это безработные артисты, музыканты, ну, и прочие. Нечто вроде артистической биржи труда...

– Позволь, при чем тут я? Я же партработник...

– Вот-вот, там как раз и нужен партийный работник. Искусство, брат, область идейная, и очень тонкая область.

– Но я ни черта в нем не смыслю, да, по-честному, и не уважаю это занятие. Когда на сцене взрослый мужик открывает рот, издает звуки, и это и есть его работа, – мне, если хочешь знать, сдается, что надо мной просто подсмеиваются...

– погоди, погоди, придет время, артисты еще членами партии станут.

Сажин искренне рассмеялся:

– Может быть, и партийные балерины будут?..

Теперь расхохотались оба.

– Ну, пусть я хватил, – сказал Глушко, – ладно. В общем, договорились. Если что – поможем. Оклад, сам знаешь, у всех у нас один – партмаксимум: девяносто целковых. Не густо, но кое-как выворачиваемся. Ты ведь холостой? Вот мне похуже: жена, двое мальцов... Площадь тебе дадут – завтра зайди в жилотдел, а сегодня переночуешь у меня – я позвоню жене. Вот адресок. – Прощаясь, Глушко задержал руку Сажина: – А все-таки чертовски трудное время, скажу я тебе... Ну, пока, брат, дома увидимся...

По Ланжероновской улице шел товарищ Сажин. Он добыл из кармана френча большие старые часы – было ровно девять – и подошел к двери, рядом с которой помещалось название учреждения: «Посредрабис». Перед дверью, ожидая открытия, столпились актеры. Сажин дернул дверь – она была заперта.

– Не трудитесь, – сказал виолончельным голосом пожилой артист, – Полещук никогда еще не приходил вовремя.

И Сажин вместе со всеми стал ждать.

– ...Нет, вы посмотрите, этот авантюрист Качурин опять набирает концерт, – сказала стоявшая рядом с Сажиним актриса своей собеседнице. Обе они смотрели на ярко одетого молодого человека – клетчатый пиджак, галстук-бабочка, кремовые брюки и кепчонка на затылке. Он записывал в блокнот имена актеров, с которыми вел тут же на улице шепотом переговоры.

– Тогда успел смыться, – ответила вторая актриса, – а то сидеть бы ему как миленькому... бросить людей, сбежать с кассой...

– Этого я не потерплю! – волновался за спиной Сажина маленький толстячок. – При моем голосе и моей тарификации не брать в поездку... Кого? Меня!

– Я ничего не говорю на ваш голос, – отвечал угрюмый лысый человек, – но...

Оглушительное кудахтанье и кукареканье заглушило продолжение диалога – грохоча по булыжникам, проезжала подвода, груженная куриными клетками. Пьяный биндюжник нахлестывал кобылу. Куры и петухи орали всю.

Появился наконец секретарь Посредрабиса Полещук. Он шел подпрыгивающей походкой, то и дело почесываясь и водворяя на место вываливающиеся из толстого ободранного портфеля бумаги. Полещук удивленно посмотрел на очкастого посетителя в поношенном френче, галифе и сапогах. «Вы ко мне?» – спросил он Сажина, отпирая дверь.

– Я Сажин, отныне заведующий Посредрабисом, – резко ответил Андриан Григорьевич, – и хочу получить объяснение – почему вы сочли возможным явиться на работу с опозданием на тридцать минут.

– А... так это вы... – равнодушно произнес Полещук, – можете зайти. Вот вам кабинет. Будете восьмой.

– Что значит «восьмой»?

– То значит; что я уже пережил семь таких заведующих.

– Вы секретарь?

– Теперь – да, секретарь.

– Что вы хотите сказать этим «теперь»?

– Теперь – значит теперь. А в прошлом – я хочу, чтобы вы это знали, – в прошлом я артист цирка Арнольд Мильтон.

– Я тоже хочу, чтобы вы это знали – никаких опозданий я не потерплю, каким бы замечательным артистом в прошлом вы ни были. И вам придется написать мне за сегодняшнее опоздание объяснительную записку.

– Хорошо. – Полещук пожал плечами.

– А теперь пригласите ко мне Качурина.

– Кого?..

– Качурина. Кем он тут у вас числится?

– Администратор... – удивленно ответил Полещук. – Откуда вы его знаете?.. Сейчас кликну...

Подойдя к жесткому креслу, Сажин тщательно протер бумажкой сиденье, затем протер стол, выбросил бумажку в корзинку и сел. В кабинет заведующего вошел Качурин.

– Привет. Новый зав? Очень приятно.

– Снимите головной убор, – сказал Сажин.

– Простите?

– Головной убор снимите.

– А... пожалуйста. – Качурин смахнул кепочку и положил на стол. – Вы меня вызывали?

– Будьте добры, уберите головной убор со стола.

– А... пожалуйста. – Молодой человек снял кепку со стола.

– Вы что – набираете концерт?

– Да. Имею предложение с Николаева.

– Из, – сказал Сажин.

– Простите?..

– Из Николаева.

– Так я же говорю – предложение с Николаева, они хотят...

– Хотят.

– Так я же говорю...

– Позовите, пожалуйста, секретаря, – прервал его Сажин.

– Пардон?

– Секретаря, пожалуйста, позовите.

– А... Это можно. – Качурин открыл дверь и поманил пальцем Полещука. – Новый зовет, – кивнул он в сторону Сажина.

– Полещук вошел и показал Сажину кнопку звонка под столешницей.

– Когда надо – звоните. Ну, что у вас там, Качурин?

– Я организовал приглашение: Николаев, три концерта в клубе моряков.

– Что вы можете сказать об этом человеке? – спросил Полещука Сажин. – В двух словах...

– Даже в одном, – ответил Полещук, – жулик. Энергичный, но жулик.

– Какое вы имеете полное право... – начал было Качурин, но Полещук его оборвал:

– Может быть, рассказать херсонскую историю? Или что вы в Фастове с актерами устроили?..

– Так вот, Качурин, – сказал Сажин, – если я вас еще раз здесь увижу – не взыщите. Все.

– Вы еще не знаете мои связи... – нагло ответил Качурин.

– Пошел вон! – сказал Сажин и обратился к Полещуку: – А теперь попрошу вас познать меня с делами. И не забудьте написать объяснительную.

Полещук положил перед заведующим кипу бумаг:

– Это заявки, на которые надо ответить сегодня. А я пока пойду писать вам то, что вы хотите.

Он ушел. Сажин растерянно стал рассматривать бумаги. Он в них ничего не мог понять и наконец нажал кнопку звонка. Полещук не шел. Позвонил еще раз. Полещук явился:

– Извините, увлекся объяснительной...

Сажин рассмеялся:

– Ну ладно. Потом напишете. Давайте работать. Что это значит? – показал ему Сажин первую бумагу.

– Кинофабрика просит оповестить актеров о наборе массовки для фильма «Дело № 128». А это – союз Рабис сообщает, что тенору Белинскому установлена новая ставка – пять сорок пять.

– Ну и что мы должны делать?

– Для кинофабрики вывесить объявление, Белинскому отметить в карточке новую ставку. Напишите там и там резолюции.

– А где эти карточки?

Полещук подошел к шкафу:

– Вот здесь вся театральная Одесса. Мы выписываем путевки – большей частью разовые – на концерт, на киносъемку... бывает, и на постоянную работу.

– А бывают концерты без путевок?

– Левые? Вопрос! Сколько угодно.

– И что же вы делаете?

Полещук пожал плечами:

– Боремся. Бывает, даже снимаем с учета. Имейте в виду, что вот такая посредрабисная справка нужна безработному как хлеб. Иначе он нетрудовой элемент. Простите, я пойду выпишу путевки...

Из зала давно уже слышался нарастающий гул. Теперь он прорвался в кабинет вместе с толпой посетителей, жаждущих решения своих вопросов. Каждый старался пробиться к столу Сажина – кто совал ему заявление, кто какую-то ведомость, кто за чем-то афишу, кто вырезку из газеты, которую Сажин почему-то обязательно должен был немедленно прочесть... Сажин едва успевал выслушивать перебивающих друг друга людей. В комнате стоял густой дым – многие посетители продолжали курить, войдя в кабинет, и Сажин то и дело кашлял, прикрывая рот платком. В окно било ослепительное жаркое солнце. От декольтированных актрис шел удушающий запах духов. Сажин то и дело вытирал платком мокрое лицо и протирали запотевшие стекла очков. Трезвонил телефон. Сажин отвечал кому-то:

– Ничего я вам не мог обещать. Я первый день на этой работе...

Вдруг, растолкав окружающих Сажина людей, казалось, явилась сама смерть, раскрашенная румянами, белилами и губной помадой. Одета в кокетливое кружевное платье, вся звенящая браслетами и брелоками старуха оперлась о край сажинского стола пальцами, сплошь унизанными кольцами, и, легко подпрыгнув, уселась на стол. Она выхватила из-за корсажа пожелтевший страусовый веер, распахнула его и, обмахиваясь, запела гнусавым голосом:

Ах, если б я была бы птичкой,
Летала б с ветки я на ветку...

Сажин замер, откинувшись на спинку кресла, и с ужасом смотрел на старуху. Допев куплет, она призывно изогнулась в сторону Сажина и, обмахиваясь веером, сказала:

– У меня в репертуаре ну ровно ничего против вашей власти... Например: «Выше ножку, дорогая» или «Дрожу от сладкой страсти я». Почему же меня не включают в концерты?

Услышав знакомый голос старой шансонетки, вбежал Полещук и выдворил ее из кабинета.

– Время от времени она тут устраивает такие номера, – объяснил он Сажину. – Обед, обед, товарищи, освободите помещение, приходите через час... Адью, адью...

Сложив в строевом порядке все, что было на столе: ручку, чернильницу и пресс-папье, Сажин аккуратно приставил на место свое жесткое кресло, вышел на улицу и вдохнул свежий воздух.

Он шел по улицам Одессы, нэповской Одессы, где по торцам Дерибасовской не так давно вызывающе застучали подковы лихачей. Ухоженные рысаки (и откуда только они взялись?), эффектно перебирая сильными ногами, везли лакированные пролетки на бесшумных «дутиках».

Нэпманы катали своих накрашенных женщин, и за пролетками тянулся дымок сигар и одуряющий запах французских духов.

Занятые своими делами, прохожие не обращали внимания на высокого человека в очках, который строго вышагивал в своем старом френче с обшитыми защитного цвета материей военными пуговицами, в диагональном командирском галифе и тщательно начищенных сапогах.

Он шел по Екатерининской улице мимо оживших кафе Робина и Фанкони, где с утра до ночи за столиками «делались дела».

Тут можно было купить и продать все: доллары и франки, фунты, пезетты и лиры, сахарин и железо, мануфактуру и горчицу, вагон ливерной колбасы и вагон презервативов.

Одни нэповские персонажи были одеты в сохранившиеся люстриновые пиджаки и «штучные» брюки в полоску, на головах у них красовались котелки и канотье; другие, приспособиваясь ко времени, щеголяли в новеньких френчах, кепках и капитанках. А из-под этих капитанок выглядывали физиономии новых буржуев, выросших мгновенно, как грибы после дождя.

Эта публика, правда, только прослаивала основную массу прохожих – трудовой люд Одессы, служащих, рабочих. Но своей броскостью, наглым контрастом с очень скромно – если не бедно – одетыми людьми они создавали этот нэповский колорит, нэповскую атмосферу города.

На углу Дерибасовской Сажину преградил дорогу, выставив вперед свой ящик, мальчишка – чистильщик обуви.

– Почистим? – выкрикнул он и затараторил скороговоркой: – Чистим-блистим, натираем, блеск ботинкам придаваем...

Щетки забили виртуозную дробь по ящику.

Сажин смотрел на хитроглазого грязного курчавого мальчишку с глубоким шрамом от уха до подбородка.

Мальчик, перестав стучать, тоже посмотрел на него и вдруг обыкновенным голосом сказал:

– Товарищ командир, давай задаром почищу...

Сажин нахмурился.

– Спасибо, брат. Не нужно.

И пошел дальше.

Кажется, не было ни одного перекрестка в Одессе, ни одного подъезда, гостиницы или учреждения, где не расположились бы мальчишки-чистильщики, выбивающие щетками

барабанную дробь на своих ящиках, зазывая клиентов, мальчишки-папиросники, торгующие поштучно папиросами, мальчишки – продавцы ирисок и маковников... Все это великое воинство, в котором смешались дети бедняков, подрабатывающие на жизнь, и беспризорные дети, сироты, оставленные войнами, подчинялось тем «принципиальным» беспризорникам, что жили «вольной» жизнью, отрицали труд, баню и милицию, пытавшуюся их устроить в детские колонии.

Сажин поглядывал на мальчишек и думал о том, как бесконечно трудно будет ликвидировать это страшное наследие войны.

Город готовился к майскому празднику. Развешивали кумачовые – от дома к дому – полотнища с лозунгами, поднимали к фонарям гирлянды разноцветных лампочек.

– Эй ты, френч, поберегись! – послышался откуда-то сверху окрик. Сажин остановился как раз вовремя – перед ним возник поднимающийся на веревках гигантских размеров фанерный первомайский лозунг.

Маленькая закусовая, куда Сажин вошел, была полна посетителей. В углу нашлось свободное место.

Сажин осмотрел сиденье стула, затем протер его принесенной тряпочкой.

Этой же тряпочкой он протер часть столика перед собой, затем аккуратно сложил и спрятал тряпочку в карман.

Соседи по столику – три здоровенных громоздких дворника – с удивлением уставились на него.

Толстая сонная женщина в несвежем фартуке подошла к столику и сказала:

– Ну, чего?

– Три стакана чая, – ответил Сажин.

– И все?

– И все.

Женщина пожала плечами и ушла, сказав:

– Царский заказ.

Сажин развернул принесенный с собой небольшой пакетик. Там лежали два бутерброда с брынзой на сером «арнаутском» хлебе. Дворники снова стали жевать свои порции горячей свиной колбасы и запивать светло-желтым пивом, – перед ними стоял пяток огромных, толстого стекла, кружек.

Официантка принесла чай, поставила перед Сажиним три стакана без блюдец и ложек, сказала:

– Нате вам.

Сажин поморщился, расплатился и принялся за завтрак.

– Соткуда сами будете? – спросил один из дворников.

Сажина покорила эта лексическая форма.

– Вы меня спрашиваете?

– Нет. Папу римского.

– Я из Петрограда.

– Хотите? – дворник пододвинул Сажину кружку пива.

– Нет, благодарю вас.

– Может, вы нами брезгуете, что мы дворники? Так мы зато фисташки замолачиваем – будь здоров.

– Послушайте, товарищ, – сказал Сажин, – с чего вы взяли, что я вами брезгую? Дворник такая же уважаемая профессия, как всякая другая. Просто не пью пива.

– Хорошо. Тогда проверим, или вы правда уважаете дворников. Фроська! Холера! – заорал он громовым голосом, – Неси ситра! Шевели ходиками!

Сонная официантка принесла бутылку ситро, и дворник налил Сажину стакан.

– Чокнимси, – сказал он.

Сажин чокнулся. Выпил ситро. Вынул из кармана часы, взглянул.

– Простите, товарищ, я спешу на работу. До свиданья. – Дожевывая на ходу бутерброд, он ушел.

– Ничего чудак, – сказал дворник, – только не знает говорить по-русски.

К концу обеденного перерыва, минута в минуту, Сажин вошел в Посредрабис.

На этот раз Полещук уже сидел на месте и писал.

– Повесьте, пожалуйста, объявление, – сказал ему Сажин, – сбор на первомайскую демонстрацию у Посредрабиса. Явка обязательна.

Андриан Григорьевич прошел в кабинет, отодвинул стул и, внимательно осмотрев его, сел.

Он достал из нагрудного кармана френча желтый жестяной портсигар, раскрыл. Самодельные папиросы лежали ровными рядами – справа и слева по шесть штук.

Сажин взял одну, размял и закурил, чиркнув зажигалкой, сделанной из винтовочного патрона.

Врачами курение было категорически запрещено, и Андриан Григорьевич себя жестко ограничивал. Первую папиросу он разрешал себе только после обеда.

Содержимого портсигара – 12 штук – должно было хватить на два дня.

Самодельные папиросы он считал менее вредными, чем фабричные. А главное – дешевле получалось.

Покупались гильзы и табак. Пергаментная бумажка, вырезанная особым образом, прикреплялась двумя кнопками к столу или к подоконнику. При помощи этой скручивающейся бумажки и деревянной палочки гильзы заполнялись бурым табаком третьего сорта.

Сажин с наслаждением курил свою самоделку, откинувшись в кресле и вытянув ноги.

Вошли первые посетители.

Так началась новая жизнь Андриана Григорьевича Сажина – бывшего учителя, бывшего военкома, члена РСДРП(б) с апреля месяца 1917 года.

Особняк бежавшего после Октября купца Аристархова был превращен в большую коммунальную квартиру и густо заселен.

Садик перед домом превратился в типичный двор одесского дома. В нем постоянно сидели и судачили женщины, стирали белье, варили варенье, играли в карты. Жизнь двора располагалась вокруг наполненного водой, но бездействующего фонтана, в котором плавали прошлогодние листья и окурки. Посреди фонтана возвышалась обнаженная женская фигура, стыдливо прикрывающая наготу мраморными руками. В настоящее время перед этой фигурой стоял и вздыхал один из жильцов – подвыпивший товарищ Юрченко – могучего сложения человек. Невдалеке от него две женщины стирали в корытах белье. Одна из них – тетя Лиза, взглянув в сторону улицы, сказала:

– О... идет наш комиссар... Он как пришел вчера с ордером, я сразу увидала – голытьба. Спрашиваю: а игде же ваши вещи, товарищ уважаемый? А он – вот они, мои вещи, и показывает на чемоданчик. Ну, думаю, принесло нам прынца...

Сажин вошел в садик и собрался было открыть дверь, но его окликнул Юрченко:

– Сосед, а сосед... постой минутку...

Сажин подошел к нему.

– ...Вот посмотри, сосед, на эту бабу и скажи, какой у ней имеется крупный недостаток?

Сажин взглянул на статую:

– Не знаю, я в скульптуре не разбираюсь.

– Нет, сосед, ты внимательно посмотри.

Сажин хотел было отойти, но Юрченко схватил его за рукав френча:

– А я тебе скажу – всем баба хороша, все при ней, а один недостаток все же есть – каменная она!

И заржал.

– Извините, – сказал Сажин, – мне идти надо, – и, освободившись от Юрченко, вошел в дом.

В темном коридоре он наткнулся на стоявший у стены громоздкий комод, потом на поломанное кресло и, наконец, на шкаф.

– Черт, где тут свет зажигается?.. – произнес он.

В проеме открывшейся двери показался другой сосед, грузчик Гетман.

– Здорово, товарищ, – сказал он, – включатель справа...

Из комнаты Гетманов выглянула девица и кокетливо спросила:

– Вы будете новый жилец?

– Дочь, Беатриса, – представил ее Гетман, – любопытная, чертяка...

– Беата, очень приятно... – прошепелявила девица и скрылась.

– Это у нас тут Юрченко наставил свои мебели и еще лампочку тушит... насмерть убиться можно... жмот, задавится за копейку... новый капиталист. А ведь был наш человек. Классный грузчик. С моего месткома, между прочим...

– Это тот, что там во дворе стоит?

– Да. Теперь монету лопатой гребет – лавку открыл, мясом торгует, сукин сын. Ну вот, пожалуйста... – указал Гетман на окно.

Там Юрченко показывал подвочнику, как въехать во двор. На подводе громоздился огромных размеров зеркальный шифоньер. Легко подхватив шифоньер, Юрченко взвалил его на спину и стал подниматься по ступенькам парадного.

– Сила, черт его дери, – с завистью сказал Гетман, – он по восемь пудов мешки ворочал, как кружку пива.

В проеме входной двери появился силуэт Юрченко со шкафом, и собеседники, чтобы дать ему пройти, разошлись по своим комнатам.

– Валька! – громыхал голос Юрченко. – Открывай двери, Валька, холера тебе в живот!

Жена Юрченко – Валентина открыла обе половины барской, с лепными украшениями двери их огромной комнаты – бывшей столовой особняка, и Юрченко ввалился туда со своим зеркальным шифоньером. Здесь ставить его было некуда – все было занято мебелью – красного дерева, карельской березы, мещанским «модерном» с финтифлюшками... Опустив шкаф со спины и временно поставив его посреди комнаты, Юрченко схватил с такой же легкостью пузатый буфет и крикнул:

– А ну, отойди, холера, я эту дуру в калидор суну... – И он понес буфет в коридор, и без того забитый его вещами.

– Послушайте, – обратился к нему Сажин, выйдя из своей комнаты, – что же вы делаете? Тут и так прохода нет.

– А ты через черный ход топай, – посоветовал Юрченко.

– Вы бы еще эту мраморную фигуру из фонтана к себе заволокли, – возмутился Сажин.

– А что, – миролюбиво сказал Юрченко, – ценная вещь...

Сажин ушел к себе. Комната его – каморка – некогда комната для прислуги – была почти пустой. Кровать, стул и небольшой столик. На подоконнике и на столе книги. Раскрыв одну из них, Сажин уселся у окна и стал читать. Но стоило ему начать, как во дворе поднялся крик.

– Явилась, шалава, – кричала Лизавета, которая стирала в корыте белье. – И зачем только я тебя рожала, дрянь беспутная!.. – Она бросилась навстречу дочери Верке, входившей во двор.

Лизавета хлестала дочь мокрым полотенцем, а Верка как-то индифферентно относилась к этому и не спеша шла домой, виртуозно забрасывая в рот семечки и сплевывая лузгу. Мать следовала за ней, продолжая бить мокрым жгутом.

– Прошлялась где-то целные сутки, – орала она, – я тебе еще знаешь каких блямб навешаю...

– Мамаша, – сказала наконец, обернувшись, Верка, – идите вы... – она наклонилась к матери, сказала еще что-то и ушла в дом.

– Люди, – кричала Лизавета, – что ж это деется? Родное дитя обматюкало! И когда? Под самый под праздник...

Трубили трубы, трещали барабаны. Реяли в воздухе флаги, плыли транспаранты. Рабочая Одесса праздновала Первомай. Шли могучие колонны рабочих, матросов, портовых грузчиков... Молдаванка, Пересыпь, Ближние мельницы, советские служащие в полном составе... Сажин шел в колонне работников искусства, во главе своих безработных, в самой пестрой колонне из всех. Перед ним несли большой транспарант «Искусство – народу».

На тротуарах стояли те, кто участия в демонстрации не принимал, – скептически настроенные обыватели и нэпманы со своими дамами. Это были два лагеря – мостовая и тротуар. Идущие в рядах демонстрантов не обращали никакого внимания на зрителей, но зрители очень внимательно рассматривали идущих по мостовой, всматривались в их лица, пытаясь, быть может, по ним угадать свою судьбу.

Народу шло великое множество, и демонстрации приходилось то и дело останавливаться. И вот тут-то все взгляды устремлялись на колонну портовых грузчиков. У них был свой – самый могучий в Одессе – оркестр, и, как только происходила остановка, этот оркестр, вместо революционных маршей, принимался наяривать либо «семь-сорок», либо «Дерибасовскую».

Одесские грузчики танцевали!

Ничего более зажигательного, наверно, не бывало на свете! Партнеры – чаще всего мужчина с женщиной, но бывало, что и жены, и дочери тоже включались в дело – начинали танцевать спокойно, медленно, потом все быстрее, быстрее и, наконец, «семь-сорок» превращался в безудержный вихрь. Сколько лихости, вывертов, выкрутасов совершалось во время этого простенького танца! Какие бывали виртуозы! Посмотреть издали – огромная плотная толпа колыхалась, подпрыгивала, как единый живой организм. Танцевали грузчики на полном серьезе. Кричали и свистели окружающие.

Сажин стоял в своей колонне и улыбаясь смотрел на танцующих.

Вдруг демонстрация пошла вперед. Между грузчиками и двинувшейся колонной сразу образовалась пустота, и они бросились бегом догонять ушедших. А их оркестр на бегу, не сделав ни малейшей паузы, переключился с «семь-сорок» на «Смело, товарищи, в ногу».

После демонстрации Сажин отправился за город. Он доехал до последней остановки трамвая, до «петли». Вместе с ним из вагона вышла компания парней, успевших, видимо, изрядно перехватить. Они пели в дороге и пели теперь, удаляясь к пляжу. Сажин свернул в пустынную сторону берега и побрел по краю обрыва.

Он шел, заложив руки за спину, по временам останавливался, глядя на море. Потом спустился на пляж к самому краю воды и стал поднимать и разводить руки, делая глубокие вдохи.

Вечером во дворе бывшего особняка его жители сидели за общим праздничным столом. Мужчины с красными бантами в петлицах пиджаков.

По количеству пустых и полупустых бутылок видно было, что застолье длится уже долго. Большой патефон играл «Чайную розу».

Сажин вошел во двор, пробормотал «Добрый вечер» и попытался пройти к себе, но его остановили:

– Э, нет, сосед, давай к нам...

– Товарищ Сажин, разделите компанию... праздник же...

Пришлось Сажину идти к столу. Во главе его сидела хмельная прачка Лизавета – Веркина мамаша.

Усадили Сажина между Веркой и женой Юрченко – бывшего грузчика, ныне хозяина мясной лавки.

– Садитесь, сосед. Мой не придет... Взял себе, понимаете, моду к одной шлюхе ходить... я извиняюсь, конечно, что вам рассказываю...

Против Сажина сидели Гетман, Беатриска и рядом с ней гражданский моряк. Поднялся Гетман:

– Я лично от имени себя, дочери Беаты и ее знакомого... как вас?..

– Жора, – ответил моряк.

– ...и от имени Жоры предлагаю выпить за наш пролетарский Первомай.

Все выпили, а Сажин поднес стакан с вином к губам и поставил его на место.

Верка сказала:

– А я лично – за свободную любовь, – и опрокинула сразу весь стакан.

Ее тост не поддержали, а Лизавета покачала головой:

– Ну, доченька!.. И что за чудо такое – что-то, видать, в лесе сдохло, что моя Верочка сегодня вдома?..

– А правда, что вы с Буденным воевали? – спросила Верка Сажина.

– Правда, – ответил он.

– Комиссаром были?

– Был.

– А как вас звать?

– Андриан Григорьевич.

– Ну и имя... Андриан... Какое же от него может быть уменьшительное? Андрианчик? Андриашка? Ну, как вас в детстве звали?

– Очень глупое было имя.

– Ну, какое?

– Да нет, правда, очень глупое.

– Ну, скажите, я вас прошу.

– Ляля, – ответил Сажин.

– Ой, умру! Ой, сейчас умру... – захохотала Верка. – Ляля, Лялечка, куколка ты моя...

К Верке разлетелся разбитной малый с чубом:

– Давай сбцаем!

– Не, – ответила она.

– Классное же танго! Пошли...

Верка повернулась к наклонившемуся над ней парню и что-то ему сказала.

– Босячка ты, – вспыхнул он. – Ну, подожди, доругаешься! – И отошел.

Патефон пел: «Под знойным небом Аргентины, Где женщины как на картине, Где мстить умеют средь равнины, Танцуют все танго...»

– Ну что же ты, товарищ Сажин, ни капли не выпил? Брезгуешь? – сказал Гетман.

– Извините, я не пью, – ответил Сажин.

– А я сейчас такой скажу тост, – заявила Верка, – посмотрим, как не выпьете! Ну-ка, Беатриска, налей Ляле, да, смотри, полный. Чтобы кавалерист водку не пил? Не поверю.

Беатриса налила стакан, поставила через стол перед Сажиным.

– Лады. Сейчас поглядим... – Верка объявила тост: – за Первую Конную армию, за товарища Буденного! Неужели не выпьете?

Сажин встал, снял очки и одним духом опорожнил стакан. Все заплотировали, заорали «ура!». А Сажин схватился за горло и, выпучив глаза, стал оседать на стул.

Патефон ревел: «...И если ты в скитаньях дальше, Найдешь мне женщину без фальши, Ты напиши, наивный мальчик, Прощай, танцор танго...»

Ранним утром через открытое окно в комнату Сажина донесся звук рожка и выкрики: «Кирисин!.. Кирисин!..», «Коська,хвати бидон, бежи за кирисином!», «Мадам Иванова, керосин привезли...».

Проезжали, грохоча, подводы. Воробьи залетали в комнату и подбирали крошки со стола. Сажин спал. Внезапно порыв ветра распахнул бязевую занавеску, и солнечный свет ударил Сажину в глаза. Он проснулся. Близоруко шурясь, он старался сообразить, где находится. Узнал наконец потолок, окно... и вдруг почувствовал какую-то тяжесть слева. Он испуганно перевел взгляд... действительно, на руке у него что-то лежало.

Сажин стал лихорадочно искать правой рукой очки. Пошарил, пошарил и нащупал их на стуле. Схватил. Быстро надел и, теперь уже сквозь очки, взглянул налево... Испуганные глаза Сажина стали огромными... На руке у него мирно лежала голова спящей Верки...

Сажин мучительно старался что-нибудь вспомнить... Нет, ничего, ровно никаких воспоминаний. Он откинул шинель, которой оба были укрыты – Сажин в своем френче, застегнутом на все пуговицы, в галифе и только без сапог. Верка – как была вчера – в платье с фестончиками. Она тоже проснулась и с удивлением смотрела на Сажина.

– Вот это номер, – сказала Верка, – как я тут очутилась? Здрасьте, Ляля.

Сажин поморщился:

– Будьте добры, не называйте меня так.

– Но все-таки, Сажин, как мы сюда попали?

– Я бы сам хотел это знать.

Сажин нагнулся, ища сапоги, нашел один и, охая от головной боли, натянул на ногу. Верка подняла другой сапог, валявшийся с ее стороны кровати, и подала Сажину.

– Спасибо, – сказал он и, натянув сапог до половины, застыл, задумавшись.

– Да вы не волнуйтесь, Сажин, мало что бывает. Болтать станут? Мне лично плевать. Ну, а если б мы и переспали? Ну и что? Кого оно касается?

Сажин встал. Провел рукой по пуговицам френча – все застегнуты. Глядя на него, Верка рассмеялась. Она смеялась все сильнее, старалась сдержаться, но снова, прыснув, хохотала еще громче. Сажин сердито хмурился, кашлял, приводил комнату в порядок.

– Ой, не могу... ой, хохотун напал... – все смеялась Верка. – Такой партийный мужчина и вдруг – здрастье... Ну, приключение, а? Сажин? – Верка наконец встала, сунув ноги в туфли. – Мама моя! Ну и книг у вас! Да тут штук полста будет! Неужто все прочитали? Это ж какую надо думалку иметь. Сажин, а у вас опохмелиться нету?

– Нет.

– Худо. И вам бы тоже не помешало. Ну, я пойду, что ли?..

Наступила неловкая пауза. Верка сделала было движение к двери. Сажин стоял у нее на пути. Он должен был либо посторониться, либо сказать «останьтесь». И Сажин сказал:

– Подождите, чаю выпьем. Я схожу чайник поставлю. – Он взял чайник.

Верка снова засмеялась:

– Вылупится сейчас на вас вся кухня – держитесь... Эх вы, без вины виноватый...

Сажин вышел в коридор и решительно направился в кухню.

Коммунальная кухня! Одно из самых дьявольских изобретений человечества! Двенадцать примусов и керосинок. Двенадцать пар глаз. Двенадцать характеров. Двенадцать самолюбий и двенадцать желаний уязвить ближнего. Все это сжато здесь в небольшом помещении, не принадлежащем никому и принадлежащем всем.

И вот – коммунальная кухня встретила Сажина. Здесь – утром – были только женщины. И ни одна из них не произнесла ни слова, когда Сажин наполнял под краном чайник и ставил его на примус. В ответ на «доброе утро» – поджатые губы и общее молчание.

Сажин стал так накачивать керосин, что, когда вспыхнуло пламя, оно чуть не разорвало примус на куски.

– Да, дела творятся, – сказала Лизавета, Веркина мать, ни к кому не обращаясь, – погода нынче хорошая, а дела-то дерьмо.

– Мой, представляете, появился от своей шлюхи, от Кларки, только под утро, – вздохнула жена новоявленного нэпмана Юрченко.

– Это еще ничего, – ответила Лизавета, – другие так и вовсе домой не вертаются...

Сажин снял с полочки стакан, чашку и немного треснувший чайник – свое личное имущество – и заварил чай.

– Читала я на днях в ихней газете, – сказала еще одна соседка, – про моральные качества у коммунистов. Оказывается, они все исключительно порядочные и показывают другим пример, каким человек должен быть...

– Подумайте, как интересно, – ответила Лизавета.

Сажин погасил примус, и он зашипел с такой свирепостью, как если бы это зашипел сам Сажин. Взяв чайник, он вышел из кухни и так хлопнул дверью, что стекла из нее чуть не вылетели.

– Он еще хлопает! Он еще хлопает! – возмутилась Лизавета.

К себе в комнату Сажин вернулся мрачным.

– Ну и что, – смеялась Верка, прихорашиваясь перед оконным стеклом, – приласкали вас наши бабочки?

– Садитесь чай пить, – угрюмо сказал Сажин.

– Небогато живете, – посмотрела Верка на хлеб и брынзу.

– Вот что, Вера, – Сажин говорил, не глядя на нее, насупившись, – получилось, конечно, глупо...

– Да уж куда глупее, – снова засмеялась Верка.

– Я вас скомпрометировал... создалась ситуация, крайне для вас неприятная...

– А мне что? – пожала Верка плечами.

– ...Это противоречит моим принципам. И, если хотите знать, это еще не все. Я вообще хочу помочь вам вырваться из этой среды.

– А чего я должна делать?

– Я предлагаю вам выйти за меня замуж. То есть фиктивный брак, конечно...

– Да на хрена мне взамуж идти? А что это такое фик-тифный?

– Фиктивный брак – это значит не настоящий. То есть регистрируемся мы по-постоящему, но это не накладывает ни на вас, ни на меня никаких обязательств.

Заметив, что Верка морщит лоб и безуспешно старается уловить смысл того, что он говорит, Сажин добавил:

– Ну, это значит, что вы будете жить как жили и я буду жить как жил...

Но Верка все еще морщила лоб.

– Ну, в общем, мы с вами спать не будем и только по бумажке будем считаться мужем и женой.

– А меня за это в милицию не заберут?

– Наоборот. Будете считаться законной женой. Ну как – согласны?

– Если вы хотите – пожалуйста, – Верка пожала плечами.

Перед столом регистрации браков, рождений и смерти стояли Сажин и Верка, ожидая, пока заполнят их брачное свидетельство. Верка незаметно закидывала в рот семечки и сплевывала лузгу. Сажин, покосившись на нее, подтолкнул локтем и тихо сказал:

– Перестаньте, неудобно...

– Теперь распишитесь – тут и тут... – пододвинул им регистрационную книгу делопроизводитель.

Они вышли на сияющий, солнечный бульвар. Сажин сложил вчетверо бумажку и положил в нагрудный карман френча. Верка, теперь уже не таясь, грызла семечки, ловко забрасывая их издали в рот и сплевывая лузгу на землю.

– Ну вот, – сказала она, – теперь мы с вами фиктивные. Мамаша ежели заругается, я ее еще подальше пошлю.

– Вера, давайте поговорим серьезно.

Сажин подвел ее к скамейке. Уселась.

– Я хочу заняться вашим образованием... Я вам буду подбирать книги. Разъясню то, что будет непонятным... Да перестаньте вы хоть на минуту с этими семечками...

Верка перестала лузгать, но слушала Сажина вполуха – ее интересовали две проститутки, которые шли по бульвару, узывно покачивая бедрами, стреляя глазами в прохожих и куря толстые папиросы.

– Ну, оторвы... – не то с осуждением, не то с одобрением сказала Верка.

– Так вот, Вера, – говорил Сажин, – давайте с завтрашнего дня начнем с вами заниматься...

– Ты чего его тычешь?! Я тебе потыкаю!.. – бросилась Верка к мальчишке, который пнул ногой собачонку, и поддала ему под зад.

Мальчишка с ревом пустился наутек, а Верка подхватила щенка и вернулась с ним на скамейку:

– Ах ты бедный лапочка, обижают тебя...

Но – то ли она задела больное место, то ли просто неумело ласкала щенка – тот вдруг зарычал, куснул Верку за палец, вырвался и убежал.

– Ах ты подлая тварь, вот же подлец... – сосала Верка укушенный палец и, увидав на другой стороне бульвара выглянувшего из проекционной будки кинотеатра механика Анатолия, заорала:

– Толик! Привет! Чего сегодня крутишь? Новая программа?

Толик кивнул головой и скрылся в будке.

– Сажин, посмотрим, что идет? – спросила Верка.

Они пересекли бульвар, подошли к кинотеатру «Бомонд» и остановились перед огромным – в этаж высотой – плакатом, на котором был нарисован страшный человек, в черном чулке на голове с прорезями для глаз. Он вгрызался в горло полуобнаженной блондинки.

«Заграничный боевик “Вампиры”, – извещала реклама. – Кошмарные сцены, от которых волосы встают дыбом! Переживания публики! Нервных зрителей просят закрывать глаза. Детям до 19 лет вход запрещен. Комическая “Неуловимый жених”. Море смеха. Перед сеансом любимец публики Федя Бояров – куплеты, фельетоны, остроумие».

– Сажин, – сказала Верка, сплевывая лузгу, – может, сводите свою фиктивную?

Пока Сажин покупал билеты, Верка переговаривалась с Анатолием через открытую дверь будки.

– На танцы придешь? – спросила она, задирая кверху голову.

– Ты же теперь за того матроса интересуешься, что со мной приходил? – свесясь через перила, отвечал Толик. – Так Федюни не будет. Отплыли они.

– Семечек дать?

– Не. А то дай.

Толик сбежал с лестницы, взял горсть семечек.

Верка когда-то «крутила» с этим Анатолием и частенько забегала к нему в проекционную будку. Помощники Анатолия – двое пацанов с прозвищами «Бим» и «Бом» – в этих случаях деликатно исчезали.

– А я, между прочим, взамуж вышла, – сказала Верка.

– Ври!

– Представь. Вон идет.

Подошел Сажин. Зло посмотрел на Анатолия и Верку, которые грызли семечки и сплевывали лузгу на тротуар.

– Это Анатолий, – сказала Верка.

– Очень приятно, – неприятно ответил Сажин. – Вам не кажется, товарищ Анатолий, что вы мусорите тут – неудобно, улица как-никак... за своей одеждой вы ведь, вижу, следите, даже моды вроде придерживаетесь, а вот улица – она ничья... так?

– Насчет моды – это как считать – остротой?

– Просто наблюдение.

– Если хотите, я эти штаны сам скроил из маминого пикейного одеяла. Могу и вам такие, а то до вас, если судить по костюму, я вижу, еще не дошла свежая новость, что война уже пять лет как кончилась... если уж говорить за моду одежды...

– Толик... товарищ Сажин... – пыталась сбить пламя Верка, – успокойтесь, что это вы...

– Пошли, – сказал Сажин и направился ко входу в кинотеатр. – Скажите, пижон... – сердито договорил он по пути.

У входа Сажин остановился и стал искать по карманам билеты. Ни в правом, ни в левом кармане их не было. В нагрудных тоже не было... Сажин задерживал поток входящих. В кино шли мальчишки, многие прямо со своими лотками с папиросами и ирисками.

– Дети, вход только для взрослых, – безнадежно пыталась остановить их билтерша.

– Так мне, тетенька, уже сорок, – хрипло отвечал мальчишка.

– А я вообще инвалид, – подхватил другой, и все пацаны гурьбой двинулись на штурм билтерши.

– Чертовы билеты, – бормотал Сажин, – только что держал...

Он извлекал из карманов галифе различные бумажки, они падали, и ветер их подхватывал. Сажин бросался вдогонку, ловил, рассматривал. Тут упали очки, но Сажин, к счастью, поймал их на лету.

Стоявшая рядом билтерша наблюдала за нескладным чудаком, потом оглянулась по сторонам и, озорно, по-девчоночьи подмигнув, шепнула:

– Валяйте, сядете на свободные...

Сажин удивленно взглянул на нее. Они улыбнулись друг другу. Ни для кого это не было заметно – ни для Верки, ни для других входящих в зал зрителей.

Женщина была немолода, некрасива, но было в ней какое-то обаяние.

Верка прошла уже вперед, а эти двое все еще улыбались друг другу... И зрители входили, не предъявляя билетов.

Наконец Сажин сказал:

– Спасибо. Найду – отдам...

Прозвучал последний звонок. Погас свет, и перед экраном появился вульгарный толстяк в клетчатом костюме. На голове у него была красная турецкая феска с кисточкой. Он запел про свое якобы путешествие в Турцию, про знакомство с турецким пашой.

– ...Паша любезен был. Он был мне даже друг. И он мне подарил Одиннадцать супруг... Одиннадцать, мой бог! – А я всего один. И кто бы мне помог. Из смелых здесь мужчин?..

Последние слова, обращенные в зал, сопровождались умоляющим движением протянутых к публике рук. Одесситы немного похлопали.

Началось кино. Первые ряды были заняты только мальчишками. Видовую они смотрели индифферентно, большинство ковыряло в носу. Дальше от экрана сидела взрослая публика – обыватели, красноармейцы, матросы с девицами.

Сажин сидел, как всегда, очень прямо, положив руки на колени, и Верка с удивлением поглядывала на него. Другие парочки – перед ними, за ними, рядом с ними – вели себя нормально, как принято в кинотеатре: обнимались, целовались. Кавалеры запускали руки за вырезы кофточек... в общем, шла жизнь. И только этот очкастый тип во френче сидел как истукан.

По временам Сажин кашлял, прикрывая рот, боясь помешать соседям.

Кончилась видовая, Анатолий зажег в зале свет, сменил бобину и отдал ее одному из своих помощников – Биму:

– Дуй в «Ампира»!

Тот схватил пленку и бросился вниз по лестнице. Картины демонстрировались «впереноску» – сразу в двух кинотеатрах.

Аппарат заряжал второй помощник – Бом.

Зрительный зал грыз семечки. В антрактах – а они бывали после каждой части – зрители принимались за семечки.

На этом сеансе было только одно исключение – Сажин.

Анатолий проверил, как заряжена пленка, и сказал Бому:

– Ну, с богом, начинай... Не подведешь?

Бом взялся за ручку аппарата:

– Что вы, дядя Толик, у меня же такой учитель...

– Не подхалимничай. Этому я тебя как раз не учил. Ну, давай. Помни: рука ходит свободно... вот так...

И Бом начал свою карьеру: завертел ручку аппарата.

На экране, прямо из стены, появился вампир в черном и стал подкрадываться к мирно спящей в кровати блондинке...

Возвратясь домой, Сажин и Верка прошли через кухню. Здесь были те же женщины, что и утром. Вошедших встретили недоброжелательно, ироническими взглядами. Лизавета открыла было рот, собираясь произнести что-то в высшей степени ехидное, но Верка опередила ее, бросив на ходу:

– Можете нас поздравить с законным браком... – и ушла вместе с Сажиним.

Тут произошло нечто подобное немого сцене в гоголевском «Ревизоре»: все намертво застыли в тех позах, в каких застал их этот удар грома. Длилась и длилась мертвая пауза. Наконец Лизавета первой стала приходить в себя:

– Нет, я от этой девки с ума сойду – это как минимум...

Верка сидела на кровати и с недоумением смотрела на то, как Сажин укладывает на пол тюфячок. В открытое окно вливались звуки знойного танго. Не такой уж была Верка сложной натурой, чтобы нельзя было разгадать по выражению лица ее мыслей. А думала она, глядя на действия Сажина: «Неужели этот чудаковатый вправду собрался лечь спать отдельно?»

Между тем Сажин, выкладывая бумаги из кармана френча, достал и билеты в кино, которые не мог найти.

– Вы ложитесь, Сажин?

– Да. И вам советую. Поздно.

– А у вас папироски не найдется?

– Вы разве курите?

– Бывает. Когда есть с чего.

– Возьмите на подоконнике. Я набил вчера.

Верка закурила. Легла на кровать поверх одеяла.
– Я не смотрю, – сказал Сажин, – можете раздеться.
– А зачем? И так полежу... Как Божья Матерь.
– Я потушу? – спросил Сажин.
– Тушите, – с некоторой иронией ответила Верка.
И в комнате стал виден только огонек ее папиросы.

В Посредрабисе дел было невпроворот. К повседневным заботам – формированию концертных бригад, трудоустройству технического персонала, организации выступлений и поездок на коллективных началах – на «марках» вместо твердых ставок, к разбору бесконечных трудовых конфликтов – прибавились еще киноэкспедиции.

Их было в Одессе уже две, когда приехала третья.

Сажин увидел ее, идя утром на работу. Как и все прохожие, он остановился и глядел на шумный кортеж извозчицких пролеток, двигавшихся со стороны вокзала. Нагруженные чемоданами, корзинами, ящиками, осветительными приборами, зеркалами и отражателями, пролетки двигались медленно, и сидевшие в них молодые люди перекрикивались, чему-то смеялись, что-то передавали «по цепи».

– Киношники приехали! – слышалось в толпе. – Мало нам своих, одесских!..
– Все мальчишки, ни одного солидного человека!..
– А этот лохматый, интересно, кто у них? Бухгалтер, что ли?
– Режиссер, говорят.
– Бросьте. Такой режиссер? Смешно.
– Это Эйзенштейн, что вы, не читали?
– Представьте, не читал.

В Посредрабисе Сажин застал Полещука, сидящего на своем месте. Посетителей еще не впускали.

– Там вас в кабинете Угрозыск дожидается, – сказал Полещук. – Они тут задержали иллюзиониста Назарова.

В кабинете Сажина действительно находился сотрудник Угрозыска Свирский, милиционер и седенький старичок иконописной внешности в старомодном сюртуке.

– Кто это, по-вашему? – спросил Свирский.

Сажин посмотрел на старичка.

– Назаров. Иллюзионист.

– Верно. А вы знаете, какие такие иллюзии показывает этот Назаров-Белявский-Куколка-Костромич-Рыбка-Пузырев? Медвежатник это. Отпетый медвежатник. Сейфы вскрывать – вот его иллюзии. А вы ему добренькие справочки даете – артист.

– Это действительно правда? – обратился к старичку Сажин.

Тот пожал плечами:

– А что это такое – правда? Вы знаете? У Господа нашего Иисуса Христа одна правда. У Моисея другая. Магомет отрицает обе, а ваше ВКП(б) объявляет все их правды опиумом для народа.

– Ну вы, Назаров-Пузырев, собачью эту чепуху тут нам не разводите, – сказал Свирский, – четыре сейфа за один только этот месяц... Магомет... В общем, пошли. И учтите, Сажин, я доложу, что у вас тут за артисты вшиваются.

Звонок оторвал Полещука от работы, и он вошел к Сажину.

– Скажите, товарищ Полещук, каким образом мы можем выяснить, кто у нас действительно артист, а кто примазался?

– Проще простого. Провести переквалификацию.

– Это что такое?

– Ну, экзамен. Посадить авторитетную комиссию – режиссеров, актеров, и пусть каждый покажет перед ней свой номер. Если, конечно, вы хотите чистку устроить...

– Да, именно чистку.

– Вообще-то у нас действительно есть от кого избавляться. Справка им нужна. Другой раз просто не отобьешься.

– Что ж, составляйте комиссию.

– Разрешите? – раздался взволнованный голос, и в кабинет вошли три актера.

– Я вас слушаю... – Сажин пригласил их сесть, но актеры были крайне возбуждены и окружили стол.

– Мы к вам за защитой, – начал голосом «благородного отца» высокий, седой актер. – Можете себе представить...

Они перебивали друг друга, каждый старался скорее изложить суть дела.

– Эта киноэкспедиция...

– У нас точные сведения... тут уже неделю их передовой...

– У них принципиальная установка не занимать на съемках актеров... Это неслыханно...

– ...Я учился у Бонч-Томашевского...

– ...Снимать без актеров... Они говорят, что будут брать людей прямо с улицы.

– Успокойтесь, товарищи, – сказал Сажин, – об этом не может быть разговора. Есть Посредрабис, государственное учреждение, и мы никому не позволим своевольничать... Товарищ Полещук, свяжитесь, пожалуйста, с этой киноэкспедицией и объясните им порядок найма лиц артистических профессий. Можете идти, товарищи, все будет в порядке...

Актеры ушли. Зазвонил телефон.

– Слушаю... – ответил Сажин. – Да, я. Ах, это вы завклубом. Вы-то мне и нужны. Да, я передал на вас дело в союз. И если у вас будет еще хоть один левый концерт – пеняйте на себя. Не пришлось бы положить партбилет... Все. Можете больше не звонить.

Вечером Сажин подошел к кинотеатру «Бомонд». Прошел. Вернулся. Посмотрел на вход. Достал из кармана френча билеты, потерянные вчера. Сеанс еще не начинался. На контроле стояла маленькая, ехидная старушенция.

– Простите, – обратился к ней Сажин, – здесь вчера была на контроле женщина...

– Интересно, – ответила старушенция, – очень интересно. А я что? Мужчина?

– Извините, я не так выразился. Я хочу повидать именно ту женщину, что стояла здесь вчера.

– Вчера было вчера, она работала временно, два или три дня.

– Тогда я вас попрошу передать ей эти билеты.

– Молодой человек, – сказала старушенция, – я понятия не имею, кто она, – как я ей передам?..

На сцене, за закрытым занавесом, толпились актеры. Каждый старался прикинуться к отверстии в занавесе и взглянуть в зрительный зал.

Оперные певицы с невероятными бюстами, клоуны, балерины в пачках, эстрадники: от куплетистов «рваного жанра» – одетых как босяки – до тонных исполнительниц классических романсов... сарафаны, трико жонглеров, фраки, боярские костюмы – все смешалось тут у закрытого занавеса. Артисты были до крайности взволнованы.

– ...жили, кажется, без всяких переквалификаций... нет, ему обязательно нужно поиграть на наших нервах...

– ...говорят, Сажин чекистом раньше был...

– ...вам хорошо, а меня – ежели обезьяны подведут...

– ...а комиссию какую согнали... наших пятеро, да из Рабиса, да с окружкома кто-то...

В пустом зрительном зале театра, за длинным столом, накрытым кумачовой материей, сидела квалификационная комиссия. То были виднейшие одесские артисты – оперные и драматические, представители эстрады, руководители профсоюза Рабиса. Рядом с Сажиним сидел Глушко из окружкома, а за спиной Сажина пристроился его консультант и распорядитель смотра – Полещук.

– Можно начинать? – спросил Сажин. – Товарищ Полещук, начинаем.

– Занавес! Первый номер жонглеры Альбертини! – объявил Полещук.

Старушка концертмейстер, в пенсне, чудом сидящем на самом кончике ее длинного носа, заиграла вступление, и на сцену бойко выбежали три ловких парня, с ходу начав перебрасываться мячами.

Сажин пошептался с членами комиссии и остановил жонглеров:

– Довольно, товарищи, довольно. Ваш номер известен. Вы свободны. Следующий.

– Аполлон Райский, – объявил Полещук и негромко добавил, обращаясь к членам комиссии: – Псевдоним, настоящая фамилия Пупкин. Яков Пупкин.

– Ария Каварадосси из оперы Пуччини «Тоска», – объявил артист, вышедший на сцену.

За кулисами девица в розовом трико выслушивала инструкции фокусника. На нем был экзотический восточный халат и огромный тюбан на голове.

– ...значит, так, – шептал он, – как лягите в ящик, – сейчас коленки к грудям и голову к коленкам. И ничего не опасайтесь, пила мимо пойдет...

– Да я не пилю вашей боюсь, а боюсь, как бы мне с учета не вылететь.

– И расчет сразу после номера, – говорил восточный фокусник, – как, значит, договорились... А ты покрутись где ни где, – обратился он к своей постоянной партнерше – худой уродливой девке в платье с блестками, – покрутись, покрутись, сегодня заместо тебя вот энта в ящик лягит... – закончил он, поправляя на голове свой огромный восточный тюбан.

К девице в розовом трико – той, что сегодня «лягит» в ящик, подошел молодой артист:

– Ты что это, Вяолетта, бросила Дерибасовскую, в артистки подалась?

– Да нет, мне бы только с учета не слететь.

– Вы свободны... – сказал Полещук Пупкину-Райскому, когда тот допел арию.

Комиссия совещалась по поводу его категории.

– А нельзя ли его обязать, чтобы пел другие песни? – спросил Сажин. – Ну, народные, революционные...

– Мы репертуаром не занимаемся, – несколько высокомерно ответил член комиссии лысый режиссер Крылов, – наше дело профданные, тарификация.

Глушко наклонился к Сажину, тихо шепнул с укором:

– Не надо, Сажин, это не твоя функция...

Через служебный вход за кулисы вбежал запыхавшийся актер.

– Вот вы тут песни поете, – зашептал он, – а московские киношники прямо на улице, без всякого Посредрабиса, набирают на съемки! Грека записали – швейцара из Дворца моряка... при мне...

– Следующий! Раджа Али-Хан-Сулейман! – объявил Полещук и, повернувшись к комиссии, добавил: – Федор Иванов.

Под аккомпанемент в высшей степени «восточной» музыки на сцену вышел известный нам фокусник, прикоснулся рукой ко лбу, потом к губам и наконец к груди. Поклонился и плавным движением поднял руку. В ответ из-за кулис бесшумно выплыл на сцену волшебный сундук. Раджа Али-Хан-Сулейман сделал таинственные пассы, сундук остановился, из-за кулис вышла девица с Дерибасовской в розовом трико. Фокусник открыл крышку сундука и сделал приглашающий жест. Девица стала залезать в сундук. Кое-как она справилась с этим, и раджа Али-Хан-Сулейман, снова проделав волшебные движения, закрыл крышку сундука.

Настал решающий момент: Али взял в руки большую пилу, и аккомпанемент восточных мелодий сменился барабанной дробью.

– Алла-иль-алла! – закричал фокусник. – Иль-Магомет-Турок-Мурок...

И он начал пилить свой ящик. Пила уходила все глубже. И вдруг раздался отчаянный крик, крышка отскочила, и девица выпрыгнула, издавая вопли попеременно с руганью:

– Ты что, обалдел? Смотри, чуть зад мне не отпилил... – И, всхлиывая, она пошла за кулисы. Раджа Али-Хан-Сулейман чесал затылок. Комиссия смеялась.

– Али этого снять с учета. И девицу тоже, конечно, – сказал Сажин.

– Ну, зачем же... – вмешался лысый Крылов, – пусть Али завтра еще раз пройдет.

– Никаких завтра. Никаких жуликов. Никаких комбинаций в Посредрабисе. Пусть дорогу к нам забудут. Я не позволю пачкать наше звание артиста. Давайте дальше.

– Следующий! – вызвал Полещук и, наклонясь к Сажину, сказал: – Правильно делаете. Это я вам говорю, Полещук.

Пляж был густо заполнен отдыхающими. Неисчислимое множество одесских детей носилось по белому песку. Дамы прикрывались зонтиками. Мужчины расхаживали в купальниках, которые ныне считались бы женскими, если бы не были такими закрытыми. Прогулочные лодки проплывали у самого берега, и пловцы, хватаясь за борта, приставали к девицам, содержащимся в лодках.

Сажин шел по пляжу. Многие оглядывались вслед странному субъекту в застегнутом на все пуговицы френче, в галифе и сапогах.

– Андриан Григорьевич! – окликнул его чей-то голос. Сажин оглянулся. Это был Полещук. В черных сатиновых трусах, с татарской тюбетейкой на макушке, Полещук сидел на песке, подобрав по-восточному ноги, и очищал вяленую рыбку. Рядом – его неизменный портфель, набитый деловыми бумагами.

– Пивка? – спросил Полещук, протягивая руку к бутылке, воткнутой в мокрый песок. – Таранку?

– Нет, спасибо, – ответил Сажин.

– Не жарко во френче?

– Да нет, ничего... – Сажин снял фуражку и расстегнул верхнюю пуговицу френча – это было максимальной жертвой пляжным нравам с его стороны.

Женщина, стоявшая у воды, кричала во все горло:

– Минька! Плавай сюда или папа тебя убьет!

Сажин поморщился.

– Все не привыкнете к нашим одессизмам? – улыбнулся Полещук.

– Я, кажется, скоро сам так заговорю. Просто невероятно, во что тут у вас превращают другой раз русскую речь.

– Да... словечки у нас бывают... ничего не скажешь. Я давно привык.

– А я никогда не привыкну ни к этой речи, ни к вашему городу.

– Вас, Андриан Григорьевич, надо в музей выставить. И табличку: «Человек, которому не нравится Одесса», толпами пойдут смотреть. И детям будут показывать.

– Мне бы, вместо всех здешних красот, один наш питерский серый денек. И дождичек и мокрые проспекты...

– Да, трудновато старику – там, наверху, – всем угодить. Одному подавай ясное небо, другому дождь...

– Если хотите знать, я и к нашим посредрабисникам по-настоящему тоже никак не привыкну. Я понимаю – артисты... но какие-то хаотические, я бы сказал, характеры...

Полещук слушал, и в глазах этого обрюзгшего человека загорались огоньки протеста – не успел Сажин договорить фразу, как Полещук вскочил на ноги.

– Хаотические? Да? Хаотические? А вы когда-нибудь стояли неделями на унижительных актерских биржах? Ждали, чтобы вас, как лошадь, как собаку, выбрал бы или, что чаще, прошел мимо хозяин? Разве вы можете представить себе их беды, нищету, презрение, падение человеческое – все, что выпадало на долю артиста?.. Ведь, кроме императорских театров да МХАТа, не было у актеров своего театрального дома, да и просто обыкновенного человеческого жилья... Бродягами, нищими бродягами они были и все же не бросали свое святое искусство. Ведь наш Посредрабис – это гуманнейший акт советской власти, это великое дело, что они могут где-то собираться, получать работу не унижаясь... это, это...

Полешук выдохся, махнул рукой и сел снова на песок. Сажин был крайне смущен его речью.

– Знаете, – сказал он, – я как-то сразу окунулся в текучку и, наверно, просто не понял того большого смысла, про который вы говорите...

– Извините, пожалуйста, товарищ... – к Сажину обратился молодой человек в черно-белой полосатой майке. Еще задолго до того, как подойти, он присматривался к Сажину, заходил то с одной, то с другой стороны. И вот наконец заговорил напрямую.

– В чем дело? – спросил Сажин.

– Мы тут снимаем картину о броненосце «Потемкин», о девятьсот пятом годе... Московская группа...

– Да, я слышал.

– Так вот, товарищ, я хочу предложить вам сняться у нас. Это небольшой эпизод, займет всего два-три дня...

– Гмм... – произнес Сажин и переглянулся с Полешуком, – очень интересно... Но ведь я не артист?

– Это и прекрасно. Замечательно, что вы не артист. Именно это нам и нужно. Так вы согласны?

– Знаете что, – сказал Сажин, – я вам дам ответ завтра. Приходите в Посредрабис – знаете, где это?

– Конечно, на Ланжероновской. А в какое время?

– Часов в двенадцать. Вас устраивает?

– Хорошо. Ровно в двенадцать буду. До завтра.

– Ну, что скажете, – обратился Сажин к Полешуку, когда молодой человек отошел, – видали деятелей! Ну, я им приготовлю встречу: к двенадцати соберите всех актеров – пусть поговорят с ним!

– Ловушка?.. – рассмеялся Полешук.

– Ничего, ничего, посмотрим, как он будет с улицы брать людей... – возмущался Сажин. – Порядок есть порядок. Мы требуем, чтобы на артистическую работу брали только артистов. И никаких гвоздей.

На следующий день в Посредрабисе и возле него собралась толпа актеров. Ждали «того» ассистента. В кабинет Сажина вошла женщина.

– Вы ко мне? – не поднимая головы от бумаг, спросил Сажин.

– Насчет работы... Говорили, будто новый театр открывается... могу билетершей или гардеробщицей... на учете я у вас...

Сажину что-то почудилось в голосе женщины, и он поднял глаза. Перед ним стояла та самая билетерша, та самая женщина...

– Что ж вы меня не узнаете? Ведь мы знакомы, – сказал Сажин, – вы меня без билета пустили.

Теперь и женщина посмотрела на него и сразу узнала. Но сказала:

– Вы что-то спутали, я без билетов никого не пускаю.

В облике этой женщины было что-то и от юной девушки и от усталой женщины уже не первой молодости. И снова их взгляды встретились, как бы схватились, обрадованные встречей.

– Мамка! – заглянула в дверь девчонка. – Катька дерется.

– Брысь отсюда, – кинулась к ней женщина, – брысь, кому сказано ждать... Извините! – вернулась она к столу.

Сажин мучительно кашлял, закрывая рот платком. Женщина с жалостью смотрела на него. Наконец приступ прошел.

– Муж есть у вас? – спросил Сажин.

– Одна, – женщина качнула головой.

Сажин нажал звонок. Вошел Полешук.

– Дайте, пожалуйста, карточку товарища...

Полешук подошел к шкафу и достал учетную карточку.

Сажин заглянул в нее. Да... за год эта женщина всего два раза направлялась на работу. На месяц и вот теперь на три дня в кино «Бомонд»... Не густо...

– Нет ли какой-нибудь заявки подходящей? – обратился он к Полешуку.

– На такие должности очень редко бывает.

– А вы все-таки постарайтесь подыскать ей что-нибудь.

– Хорошо. Можно идти? А то сейчас тот дядя явится... – Полешук ушел.

– Заходите, попытаемся вам помочь, – сказал женщине Сажин.

– Спасибо. Меня вот на киносъемку записали вчера.

– А этого я вас попрошу не делать. У нас на учете много безработных актеров. Это их заработок.

– Хорошо, – ответила женщина, – я не пойду завтра. Хотя...

– Я понимаю, – сказал Сажин, – вам это нужно... Но, видите ли, тут вопрос глубоко принципиальный...

– Поняла. До свиданья. А я вас тоже узнала.

– Билеты ведь я нашел потом... Подкладка порвалась.

– Что ж вам жена не зашьет?

– Какая жена?.. Ах, да... Жена... Вот видите, не зашивает.

Из зала послышался шум. Сажин, пропустив женщину, пошел туда. Окруженный толпой актеров, ассистент режиссера едва успевал отвечать на сыплющиеся на него вопросы и возмущенные возгласы.

– ...Кто вам дал право... Это наш хлеб...

– ...Брать прямо с улицы...

Ассистент был прижат к стене разъяренными людьми. Особенно воинственно вели себя женщины. Они наступали на него, размахивали руками – только что не били.

– Тихо, тихо, товарищи, – поднял руку Сажин, – так мы ни в чем не разберемся.

Но успокоить людей было не так просто – Сажину пришлось просто расталкивать их, пробираться к ассистенту.

– А... – узнал его тот, – это, значит, вы мне такую встречу подстроили?

– Да. И потрудитесь объясниться с этими людьми – киносъемки их профессиональное право. Товарищи, дайте ему сказать...

– Хорошо, – сказал ассистент, – попробую объяснить. Видите ли, наш режиссер открыл новую теорию так называемой беспереходной игры. Для нее нужны не актеры, а натурщики – просто люди определенной внешности...

– А играть кто у вас будет? Сами внешности? – раздался иронический голос из толпы.

– Знаете, товарищ, вы почти угадали. Именно так и будет. Никакой игры. Снимается просто человек в нужном состоянии. Из таких кусков монтируется картина. Это новое, революционное искусство, поймите же!..

– Кто у вас режиссер? – спросил Сажин.

– Эйзенштейн.

– Не слышал.

– Он поставил «Стачку».

– Не видал. И что же – он всего одну картину поставил?

– Одну, но...

– Подумаешь! – презрительно сказал рыжий актер. – У нас в Одессе есть режиссеры – по пятнадцать лент поставили – Курдюм, например, Шмальц – известные режиссеры – не капризничают, берут актеров здесь, в Посредрабисе, и очень хорошо получается...

– В общем, это вопрос принципиальный, – сказал строго Сажин, – самовольничать вашему... как его?

– Эйзенштейн.

– ...Эйзенштейну я не позволю. Так ему и передайте. Есть советская власть. Есть государственное учреждение для найма актеров – пусть не нарушает порядок.

– Послушайте, – теряя надежду быть понятым, сказал ассистент, – мы же почти всех людей берем у вас. Только не актеров, а плотников, билетеров, суфлера взяли, реквизитора...

Актеры шумели, не слушали объяснений ассистента и снова наступали на него.

– Вот вам мое последнее слово, – сказал Сажин, – категорически запрещаю брать кого бы то ни было, кроме артистов. Иначе будете отвечать в законном порядке. Можете передать это вашему знаменитому режиссеру, который поставил одну картину. Всего хорошего.

Ассистент с трудом пробился сквозь толпу актеров и выскочил на улицу – волосы всклокочены, майка разодрана, одна нога босая – сандалия потеряна. «Типажи» – те, кто раньше был записан на съемку, тотчас окружили его.

– Ну что? Приходить завтра?

– Что он вам сказал? Как же теперь будет?

Ассистент оглянулся на дверь Посредрабиса и решительно ответил:

– Ничего не отменяется. Всем явиться завтра к семи утра к памятнику Дюка. Ясно? И вы обязательно приходите, – обратился он к женщине, державшей за руки двух девочек, – я ведь вас записал?

– Да, записали. Еще вчера. Только... как же – если в Посредрабисе узнают...

– Все на мою ответственность. Договорились? Обязательно приходите. Вы очень нужны.

– Хорошо... – ответила женщина, – мне тоже это очень нужно...

Сажин открыл дверь в свою комнату. Там играл патефон, на кровати сидела Верка, рядом с ней матрос. Оба грызли семечки и сплевывали лузгу на пол.

– А, Сажин, – сказала Верка, – это мой двоюродный брат.

– Ну что же... – сказал «брат» и поднялся с кровати, – спасибо за компанию, извините, если что не так... – Он протянул Верке огромную лапищу и, проходя мимо Сагина, добавил: – Желаю наилучшего.

Матрос ушел. Сажин все еще оставался у двери. Играл патефон. Комната была заплевана лузгой, одеяло смято, грязная посуда на столе. Верка встала, оправила платье, подошла к окну и стала причешиваться.

– Ну и что? – сказала она вызывающе.

Сажин резко повернулся и вышел из комнаты.

Много снималось кинокартин в то лето в Одессе, и одну из многих «крутили» молодые москвичи на одесской лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.